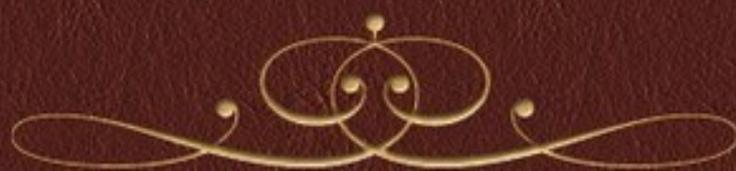

Гардони Г.

ЗВЕЗДЫ ЭГЕРА

ТОМ 1

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Геза Гардони
Звезды Эгера. Т. 1

«Алгоритм»

1899

УДК 821.511.141
ББК 84(4Вен)

Гардони Г.

Звезды Эгера. Т. 1 / Г. Гардони — «Алгоритм»,
1899 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03866-2

Геза Гардони (1863–1922) – венгерский литератор и журналист. Родился в семье слесаря из поместья аристократов в восточной Венгрии. Закончил учительский колледж и некоторое время работал учителем и кантором в католической церкви. В середине 80-х годов XIX в. Гардони начал писать статьи для журналов и газет. На переломе веков стал использовать в своих произведениях исторические темы, которые послужили основой для серии популярных исторических романов, таких как «Звезды Эгера» и «Невидимый человек». В этом томе публикуется начало (I–III части) одного из наиболее известных произведений писателя – романа «Звезды Эгера» (1899), действие которого происходит в 1552 году, когда большая часть Венгерского королевства находилась под игом Османской империи, а на северо-западных территориях укрепились Габсбурги. В нем повествуется о знаменитой осаде венгерского города Эгера турецкими войсками. Среди героев романа знаменитый Балинт Тёрёк и состоявший у него на службе Шебештьен Тиноди. Наравне с ними в борьбе против иноземных захватчиков участвуют и молодые влюбленные Гергей и Эва.

УДК 821.511.141
ББК 84(4Вен)

ISBN 978-5-486-03866-2

© Гардони Г., 1899

© Алгоритм, 1899

Содержание

Часть первая. Вот где венгерские витязи рождаются!	7
Часть вторая. Буде худо, пропала буда	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Геза Гардони

Звезды Эгера. Т. 1

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Часть первая. Вот где венгерские витязи родятся!

I

Мальчик и девочка купались в речке. Может, им и не пристало купаться вместе, но этого они еще не знали: мальчику было семь лет, а девочке пять.

По лесу пошли – на речку набрели. Солнце жарко припекало. В заводи речной вода озерком разлилась, озерко понравилось детям.

Сперва они окунали только ноги, потом зашли в воду по колени. Штанишки у Гергея намокли, он скинул их, сбросил и рубашонку, и вот уже оба голенькие плещутся в воде.

Пусть себе плещутся, кто их увидит! Дорога на Печ проходит поодаль, за деревьями, а в лесу ни души. Ох, и досталось бы им на орехи, если бы кто-нибудь их увидел! Мальчик еще куда ни шло, он не барич. Но девочка – из господского дома, дочка самого Петера Цецеи, барышня! А удрала из дому без спроса.

По ней сразу видно, что барский птенчик – вся беленькая, точно сметана. Прыгает в воде, а белокурые косички так и взлетают над тоненькой шейкой.

– Гергё! – смеясь, окликнула она мальчика.

– Поплывем!

Худенький смуглый Гергей подставил спину девочке, та обняла его за шею, и мальчик устремился к берегу, а малышка, дрыгая ножками, закачалась на воде.

Подплыв к берегу, Гергей схватил осоку за зеленый чуб и тревожно оглянулся вокруг.

– Ой, а где же Серый?

Он вылез из воды, обежал все кругом, пошел рыскать между деревьями, шарить глазами по земле: нет ли где следов?

– Подожди, Вицушка, подожди, я сейчас вернусь! – крикнул он девочке и голышом помчался по конским следам к печской дороге.

Вскоре он вернулся верхом на старом сером коне, взнузданном какой-то жалкой пеньковой уздечкой. Уздечка была привязана к ноге коня, да развязалась.

Мальчик молча стегал Серого веткой кизила. Он побледнел от испуга, то и дело оглядывался. Добравшись до реки, обхватил шею коня и соскользнул на землю.

– Спрячемся! – шепнул он девочке, весь дрожа. – Спрячемся! Турок идет!

Мигом привязал он коня к дереву, собрал одежду, и они нагишом побежали к боярышнику, спрятались за кустом, зарылись в опавшую листву.

В те времена турок нередко можно было встретить на дорогах. Ты, милый читатель, ошибаешься, если думаешь, что двое ребятишек купались в речке нынче летом. Где они теперь – и эти ребята, и турки, да и все прочие люди, которые предстанут перед тобой в этой книге, будут ходить, говорить, смеяться или плакать? Все они давным-давно стали прахом...

Любезный мой читатель, отложи-ка в сторону свой календарь и мысленно возьми в руки календарь 1533 года. Представь себе, что сейчас май месяц 1533 года и в Венгрии владычествуют и король Янош, и турки, и Фердинанд I¹.

Маленькая деревушка, откуда родом эти ребята, уютилась в одном из ущелий Мечека. Тридцать мазанок и большой каменный дом – вот и вся деревня. Окна и в барском

¹ С 1526 года до конца XVII века шла непрерывная борьба между турками и Австрией за обладание Венгрией. После поражения, нанесенного венгеро-чешским войскам при Мохаче (1526), часть венгерского дворянства провозгласила Яноша Сапояи королем Венгрии. В правление Сапояи часть Венгрии была захвачена австрийским эрцгерцогом Фердинандом I, другая часть – турецким султаном. В борьбе с Австрией Сапояи опирался на турецкие войска.

доме и в мазанках затянуты промасленным полотном, а в остальном крестьянские постройки ничем не отличаются от нынешних лачуг, крытых соломой.

Деревенька стоит в густой чаще, и жители ее думают, что турки никогда к ним не доберутся. Да и как добраться? Дорога крутая, колесных следов не видно, колокольни и то нет. Люди живут и помирают в этом глухом уголке, точно муравьи в лесу.

Отец Гергё был кузнецом в Пече. Когда он скончался, мать забила сюда, в Керестешфальву, вместе со своим отцом – старым, седым крестьянином, участником восстания Дёрдя Дожи². Потому и приютил его у себя хозяин деревни – Цецеи.

Дед пробирался иногда лесом в Печ за подаванием – на это и жили они всю зиму. Кое-что, правда, перепадало и с барского стола.

Вот и в тот день старик вернулся из города.

– Попаси-ка Серого, – велел он внуку, – бедняга с утра не евши. Да напои его в речке.

Гергё направился с конем на опушку леса. По дороге, когда он проходил мимо барского дома, из садовой калитки выскочила малютка Эва:

– Гергё, Гергё, можно и я с тобой пойду?

Гергё не посмел отказать барышне. Он слез с коня и повел Эву, куда ей захотелось. А захотелось девочке пуститься вслед за бабочками. Бабочки же полетели в лес, и ребятишки побежали за ними. Наконец Гергё увидел речку и пустил коня пастись. Так попали они в речку, а из речки – за куст боярышника.

Теперь оба притаились: турка бояться!

И не зря бояться. Вот послышался треск сухих сучьев, и между деревьями показались белый турецкий колпак со страусовым пером и лошадиная морда.

Турок огляделся, повертел головой. Взгляд его остановился на сером коне. Своего низкорослого гнедого он вел в поводу.

Теперь турка хорошо было видно. Смуглый человек с костлявым лицом. На плечах у него светло-коричневый плащ, на голове островерхий белый колпак. Один глаз завязан белым платком, вторым он разглядывал привязанного к дереву серого коня. Конь ему не понравился – это видно было по лицу турка, – и все же он отвязал его.

Куда больше пригодился бы турку мальчик, которого он видел на коне. На мальчиков спрос хороший. На константинопольском невольничьем рынке за него втрое дадут. Но парнишки нет нигде.

Турок заглянул за деревья, осмотрел ветки, потом крикнул по-венгерски:

– Мальчик, где ты? Выйди, дружок! Я дам тебе инжиру... Не бойся, иди сюда!

Но ребенок не показывался.

– Да выйди же! Не бойся, я тебя не трону... Не хочешь, значит, выйти? Тогда я уведу твоего коня.

Он на самом деле взял обоих коней за поводья и скрылся с ними среди деревьев.

Дети, побледнев, молча слушали турка. Никакими обещаниями инжира не разогнать было их ужаса. Слишком часто слышали они дома: «Вот турок тебя заберет!» – и разные страшные сказки о турках. Приманками их не возьмешь! Но когда турок пригрозил, что уведет коня, Гергё пошевелился. Он взглянул на Эвицу, точно ожидая от нее совета. Лицо его исказилось, будто он наступил на колючку.

Серого уводят! Что скажут дома, если он вернется без коня?

² Дожа Дёрдь (1475–1514) – вождь крестьянского восстания в Венгрии в 1514 году. В войнах с Турцией проявил себя как талантливый полководец. В апреле 1514 года был назначен главнокомандующим народного ополчения, которое было создано для участия в крестовом походе против турок и состояло главным образом из крестьян. Собравшиеся крестьяне подняли антифеодальное восстание. После нескольких месяцев успешных действий крестьянская армия 15 июля 1514 года была разбита под Темешваром сильным дворянским войском, восстание подавлено, а сам Дожа, раненный в бою, захвачен феодалами и казнен после страшных пыток.

Но малышка Эва оставила без ответа все его сомнения. Белая как полотно, сжалась она возле него в комочек, и большие кошачьи ее глаза от ужаса подернулись слезами.

А Серый уходил. Гергё слышал крупные, ленивые шаги своего коня. Сухая листва однозвучно шуршала под копытами. Стало быть, турок и вправду уводил коня.

– Серый... – всхлипнул Гергё, и уголки его губ опустились.

Он поднял голову.

Уходит Серый, уходит. Валежник так и трещит у него под копытами... О, глупый!..

И вот уже страха как не бывало. Гергей вскочил и голышом понесся вслед за похитителем.

– Дядя! – крикнул он дрожа. – Дядя турок!

Турок остановился, ухмыльнулся.

Ой, какой уродина! Оскалился, словно укусить хочет.

– Дядя, отдай Серого... – пролепетал Гергей сквозь слезы. – Серый-то наш конь...

И мальчик остановился шагах в двадцати от турка.

– А коли ваш, иди сюда, – ответил турок, – и возьми его.

Он кинул повод Серого.

Ребенок видел сейчас только своего коня, и когда тот нехотя тронулся с места, Гергей подскочил к нему и схватил за повод.

В тот же миг схватили и его самого. Большая, сильная рука турка сжала тонкую голую ручонку, и мальчик взлетел на гнедого коня, прямо в седло.

Гергё завизжал.

– Цыц! – гаркнул турок, выхватив кинжал.

Но Гергё кричал еще истошнее:

– Вицушка! Вицушка!

Турок обернулся посмотреть, кого зовет мальчик. Рука его сжала кинжал.

Когда же из травы высунулся второй голенький ребенок, турок сунул кинжал в ножны и улыбнулся.

– Иди, иди сюда, – сказал он, – я тебя не трону. – И, потянув коней за поводья, направился к девочке.

Гергё попытался слезть с коня, но турок звонко шлепнул его по спине. Гергё заревел, однако остался на месте, а турок, бросив коней, побежал за девочкой.

Бедняжка Вица и рада бы убежать, да ножки у нее короткие, а трава высокая. Она споткнулась, упала и мгновение спустя визжала и билась в руках турка.

– Цыц! – шлепнул ее турок. – Цыц, молчи! А то я тебя съем. Гам-гам!

Девочка умолкла, и только сердечко ее колотилось, точно у воробышка, зажатого в руке.

Но когда подошли к лошадям, девочка снова закричала:

– Папочка! Папа!

Тому, кто попал в беду, всегда ведь кажется, что вопль его будет услышан и в самой дальней дали.

Гергё тоже тер кулаками глаза и ревел во весь голос:

– Я пойду домой! Я хочу домой!

– Молчи, поганый ублюдок! – заорал на него турок. – Вот сейчас разорву тебя пополам!

И он угрожающе потряс кулаком.

Дети притихли. Девочка была почти в беспамятстве от страха. Гергё сидел на гнедом коне турка и тихонько всхлипывал.

Они тронулись в путь.

Выехали из лесу. Гергё видел, как вверх по дороге, через Мечек тянутся обозы и рядом с ними скачут верхом пестро наряженные турки – конные акынджи³, идут пешие асабы⁴, наемники в разношерстной одежде. Сидя на быстрых низкорослых лошадках, всадники скакали к Печу.

Люди, шедшие впереди, сопровождали около десяти повозок и телег. На телегах в беспорядке навалены были перины, одеяла, покрывала, шкафы, кровати, бочки, стулья, звериные шкуры и мешки с зерном. Рядом с телегами, скорбно опустив голову, плелись невольники. Руки у всех были закручены за спину, ноги скованы цепями.

У нашего янычара⁵ были три телеги и семь невольников. Кроме него шли еще пять янычар в синих шароварах, красных башмаках и белых колпаках, в которые спереди были засунуты костяные ложки. У одного, правда, в колпаке торчала деревянная ложка. Тут же шли и три асаба в меховых шапках и с длинными копьями в руках. На колпаке нашего кривого янычара колыхалось запыленное белое страусовое перо, свисавшее чуть не до середины его спины.

Пока янычар был в лесу, все три его телеги стояли у обочины дороги, пропуская остальных. Турки ехали к себе домой.

Ребятишек и серого коня янычары встретили дружным смехом.

Что они лопочут там по-турецки – Гергё невдомек. Но, видно, они говорят о нем, о Вицушке и о коне. Только посмотрят на него и на Вицушку – улыбаются. А как взглянут на коня – руками машут, точно от мухи отмахиваются.

Турок бросил обоих ребятишек на телегу, прямо на узлы с мягкой рухлядью. Там сидела толстощекая девушка-невольница, ноги у нее были скованы цепями. Ей турок и поручил детей. Затем один из янычар развязал грязный мешок и вытащил из него всякую детскую одежонку. Тут и юбчонка, и сермяга, и безрукавка с плоскими медными пуговицами, и шапка, и шляпа, и маленькие сапожки. Турок отобрал две рубашонки, маленькую сермягу и швырнул их на телегу.

– Одень ребят! – приказал девушке одноглазый.

Девушке-крестьянке на вид лет семнадцать. Одевая ребятишек, она целовала, обнимала их. На глазах у нее были слезы.

– Как зовут тебя, ангелочек мой?

– Вицушка.

– А тебя, душенька?

– Гергё.

– Не плачьте, милые, я буду с вами.

– Домой хочу, – проговорил Гергё сквозь слезы.

– И я тоже домой... – всхлипывая, залепетала Вицушка.

Дети прижались к девушке. Вица прильнула к ее груди. Гергё притулился сбоку. Девушка обхватила их обеими руками, целовала, гладила раскрасневшиеся и мокрые от слез личики.

³ *Акынджи (тур.)* – конные войска в турецкой армии.

⁴ *Асабы (тур.)* – пешие копейщики в турецкой армии.

⁵ *Янычары (тур.)* – турецкая регулярная пехота, созданная в первой половине XIV века. Корпус янычар комплектовался в значительной части из христианских мальчиков, захваченных в плен, купленных или взятых путем «детского или кровного налога» с христианского населения Османской империи. Янычары составляли привилегированную часть турецкого войска. Были известны своей жестокостью и грабежами.

2

Деревенские собаки, сердито тьякая, насканивают на седобородого, длинноволосого паломника. Не размахивай он своим высоким посохом с крестом наверху, они, верно, стащили бы с него и сутану.

Сперва паломник шел посреди дороги, но, увидев, что злых лохматых собак становится все больше и больше, отступил к плетню и, размахивая палкой, остановился в ожидании – авось кто-нибудь да освободит его из-под осады.

Но всех, кто выскочил на громкий лай, привлекло другое: по деревне мчались венгерские витязи. Их было пять человек. Впереди скакал белокурый богатырь в красном плаще. На шапке у него журавлиное перо, поперек седла лежит ружье. Из-под легкого вишневого камзола поблескивает кольчуга. Вслед за ним мчатся четверо витязей. Въехав в деревню, они оглядываются по сторонам, точно каждый домик здесь им в диковинку.

У ворот господского дома, примостившись на камне, дремлет старик крестьянин, сжимая в руке пику. Пробудившись от конского топота, он поспешно распахивает ворота, и всадники, проскакав по мосту, въезжают во двор...

Цецеи сидит в тени амбара, съезжившись, точно старый орел. Тут же несколько его крепостных крестьян стригут овец. В руках у них ножницы, но у пояса висят сабли. Так жили в Венгрии в те времена.

Заметив витязей, Цецеи встает и, ковыляя, идет им навстречу. Походка у старого барина чудная: одна нога не сгибается в колене, другая в щиколотке. Да и как им сгибаться, раз обе они деревянные! Нет у старика и одной руки – рукав полотняного камзола болтается. Лицо Цецеи заросло седой бородой, седые волосы спадают до плеч.

Витязь с журавлиным пером на шапке соскочил с коня. Бросив повод солдату, он поспешно подошел к Цецеи и, щелкнув каблуками, представился:

– Иштван Добо.

Добо – рослый ширококостный мужчина. Рот у него большой, губы тонкие, волевые, и кажется, будто Добо, словно горячий конь, всегда грызет невидимые удила. Властные серые глаза смотрят пристально. Каждое движение его исполнено силы, а походка упругая, точно у Добо стальные мышцы ног.

Цецеи спрятал руку за спину.

– Ты у кого служишь? – Глаза старика горят, как угли.

– Сейчас у Балинта Тёрёка, – ответил Добо.

– Стало быть, ты приверженец Фердинанда? Что ж, добро пожаловать, сынок! – И Цецеи протянул руку Добо, успев окинуть быстрым взглядом и его жеребца и его саблю. – Из каких же ты, Добо?

– Из рускайских, отец.

– С Палоцаями состоишь в родстве?

– Да.

– Выходит, ты из Верхней Венгрии? Как же ты сюда попал? Каким ветром вас сюда занесло?

– Мы, отец, едем из Палоты.

– Из замка Морэ?⁶

– Теперь он уже не замок Морэ.

– А чей же?

⁶ Морэ Ласло – венгерский дворянин. Стал известен своей жестокостью во время подавления крестьянского восстания Дожи. Участвовал в мохачской битве. Позднее, перейдя на сторону Габсбургов, стяжал себе славу разбойника и грабителя.

– Ничей. Да и не замок это теперь, а просто груда камней.

– Вы разрушили его?

– До основания.

– Слава богу!.. Да ты, братец, зайди сюда, в холодок, на террасу... Эй, мать, встречай гостя! – И Цецеи снова кинул взгляд на Добо. – Разрушили, говоришь?

Маленькая полная женщина суетилась на террасе: вместе со служанкой ставила стол в тень. Тем временем другая служанка отпирала дверцу погреба.

– Пишта Добо – родич Палоцаев, – представил Цецеи гостя своей супруге. – А солдатам поставьте вина и закуски.

Добо вытащил из камзола красный носовой платок, утер лицо.

– Прежде чем присесть, отец, – сказал он, испытующе глядя в лицо Цецеи, – я обязан спросить, нет ли здесь Морэ. Я ведь его ищу.

– Здесь? Морэ? Да чтоб глаза мои не видели его, разве только когда он на виселице будет болтаться!

Добо продолжал вытирать лицо и шею:

– Стало быть, мы сбились со следу. А водицы у вас не найдется?

– Погоди, сейчас вино принесут.

– Я, отец, как пить захочу, всегда воду пью.

Добо взял большой пузатый жбан, поднес к губам, а утолив жажду, шумно вздохнул и сказал:

– Отец, а вы позволите передохнуть у вас до вечера?

– Какое там «до вечера»! Тоже выдумал! Я тебя несколько дней не отпущу!

– Благодарю вас, но сейчас не Масленица. Ночь я не спал, а вечером отправимся дальше. Однако кольчугу я бы скинул. Хотя она из дырок сшита, а все же жарко в ней в такую пору.

Пока Добо снимал в комнате доспехи, во дворе показался паломник.

– Да ты никак от монаха явился! – сказал Цецеи, глядя на него с удивлением, и глаза его снова загорелись, точно угли.

– От монаха. – Паломник улыбнулся. – А откуда вы изволите знать?

– По бороде твоей вижу: вся побелела от дорожной пыли.

– Верно.

– Потому и догадался, что ты издалека пришел.

– И то верно.

– А мне из дальних краев передать привет некому, кроме настоятеля Шайоладского братства нищенствующих монахов. Порази его стрела Господня, он мне родня.

– Да ведь он, ваша милость, давно уже не настоятель, а духовник короля.

– И это я знаю, чтоб он сгорел вместе со своим хозяином! Как тебя зовут?

– Имре Варшани.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать.

– Ну, поглядим, какую ты весть принес!

Паломник сел на землю и принялся отпарывать подкладку сутаны.

– Ох, и жарница в ваших краях! – весело проговорил он. – А турок сколько! Ну точно мух...

– И этим мы обязаны монаху да твоему королю. Куда же ты к черту зашил письмо?

Варшани вытащил наконец письмо с маленькой красной печатью и протянул Цецеи...

– Накормите, напоите этого человека и предоставьте ему ночлег, – сказал Цецеи жене и, сломав печать, развернул письмо. – От него! – произнес он, заглянув в бумажку. – Его

почерк. Четкий, буквы будто напечатаны, только мелкие очень. Мне все равно не прочесть. Пошлите-ка за попом.

Паломник примостился в тени орехового дерева.

– А весть шлет, наверно, хорошую, – сказал он добродушно, – потому что не понукал меня, торопиться не приказывал. Когда он посылает письмо с большой печатью, я всегда должен спешить. А это с маленькой печатью – стало быть, дело не государственное.

И как человек, выполнивший свой долг, он с удовольствием потянул разок из кувшина с вином, который поставили перед ним.

Хозяйка тоже взяла в руки письмо. Оглядела его с одной и с другой стороны, посмотрела на сломанную печать, потом обернулась к паломнику:

– А дядюшка Дёрдь⁷ здоров?

Служанка принесла хлеб, сыр, и паломник тут начал разыскивать свой складной нож.

– Он, сударыня, никогда не болеет.

Пришел и священник, плечистый седобородый старик с львиной головой.

Паломник встал, хотел поцеловать ему руку, но священник попятился:

– Ты папист или новой веры?⁸

Старик горстью захватил под самым подбородком свою свисающую на грудь седую бороду.

– Я папист, – ответил паломник.

Тогда священник протянул ему руку.

Вошли в комнату. Священник остановился у окна и начал читать, переводя на венгерский написанное по-латыни письмо:

– «Милый зять...»

Голос священника звучал глухо, как у чревовещателя: согласные буквы он проглатывал, так что о них можно было только догадываться. Но люди, привыкшие к нему, понимали, что он говорит.

Священник продолжал:

– «...и милая моя Юлишка, пошли вам бог здоровья и безмятежной жизни. Дошло до меня, что в ваших краях бесчинствуют то Морэ, то турки и что остались у вас одни только горемычные крепостные. Все, кто мог, бежали в Верхнюю Венгрию или к немцам. А вы, мои возлюбленные, если живы еще и обретаетесь в Керестеше, спасайтесь тоже. Я говорил с его величеством, просил, чтобы он возместил вам убытки...»

– Не читай дальше! – вспыхнул Цецеи. – Собакам – собачьи подачки!

– Тише, дружок, – успокаивала жена. – Дёрдь умница, Дёрдь знает, что от Сапои мы ничего не примем. Изволь прослушать письмо до конца.

Священник насупил лохматые брови и продолжал читать:

– «...Король, правда, не может вернуть вам Шашд, но возле Надьварада есть деревня...»

– Прекрати, Балинт, прекрати! – расвирепев, Цецеи размахивал руками.

– Дальше он уже о другом пишет, – заметил священник. – Вот слушай: «Но если у тебя все еще велика ненависть к нему...»

– Да, велика, велика! – крикнул Цецеи, стукнув кулаком по столу. – Ни на этом, ни на том свете видеть его не желаю. А если на том свете повстречаемся, так тоже только с оружием в руках!

⁷ Монах Дёрдь – крупный венгерский государственный деятель, кардинал.

⁸ Борьба венгерцев за освобождение страны из-под ига австрийских Габсбургов переплеталась с религиозной борьбой против католицизма. Распространившееся в Венгрии протестантство было принято как венгерскими магнатами, стремившимися овладеть землями католической церкви, так и широкими массами населения Венгрии, видевшими в реформации средство сопротивления католической реакции Габсбургов.

Поп вновь принялся читать:

– «...то здесь, в Буде, пустует мой домик. Сами мы скоро переселимся в Надьварад. В доме моем только внизу живет оружейник, что луки изготавливает, а три комнаты наверху стоят пустые...»

Цецеи встал.

– Не нужно мне! Ты, монах, купил этот дом на деньги Сапоyai! Пусть рухнет твой дом, коли я переступлю его порог!

Священник пожал плечами:

– Откуда ты знаешь, что на деньги Сапоyai? Может быть, в наследство получил...

Но Цецеи не стал и слушать. Сердито ковыляя, он вышел из комнаты и, стуча деревяшкой, прошелся по террасе.

Паломник закусывал у края террасы, в тени орехового дерева. Цецеи молодцевато остановился перед ним сердито сказал:

– Передай монаху, что кланяюсь ему. А письмо его будто и читать не читал.

– Так что ж, ответа не будет?

– Нет.

И старик проковылял дальше, к амбару. Расхаживая взад и вперед под солнцем, он размахивал палкой во все стороны, будто отгоняя невидимых собак, и сердито бубнил:

– Нет, брат, шалишь, голова у меня еще не деревянная!

Крестьяне усерднее принялись стричь овец, собаки отбежали подальше, и, казалось, даже дом на холме со страху соскользнул куда-то ниже.

Хозяйка вместе со священником стояла на террасе. Священник пожимал плечами:

– Допустим, домик не в наследство получил, а своим трудом добыл. Так все равно может подарить кому захочет. Вот он и дарит Петеру Цецеи. Теперь это будет дом Цецеи, и в нем сам король ему не указчик.

Из комнаты вышел Добо. Хозяйка представила его священнику и кликнула Вицу:

– Вицушка! Где ты, Вица?

– Она в саду играет, – ответила служанка.

Вернулся Цецеи и тут же напустился на священника:

– Ты, поп, рехнулся, видно! Чего доброго, не сегодня-завтра знаменосцем поступишь к Яношу!

– А ты на старости лет венгерцем зваться перестанешь! – рявкнул в ответ священник.

– А ты в палачи наймешься! – заорал Цецеи.

– А ты к немцам! – сердито крикнул поп.

– Палач!

– Немец!

– Живодер!

– Изменник родины!

Седовласые старцы кричали друг на друга так, что оба посинели от злости. Добо ждал только, когда придется их разнимать.

– Да не бранитесь вы, господь с вами! – проговорил он взволнованно. – Лучше уж с турками поругайтесь.

Цецеи махнул рукой и упал на стул.

– Не понимаешь ты этого, братец. Сапоyai велел отрезать язык этому попу, а мне – руку. Ну, не дурак ли поп, коли обрубком своего языка Сапоyai защищает!

– Будь он только моим врагом, – ответил притихший священник, – я давно бы ему простил. И все же я скажу: пусть лучше он правит венгерцами, нежели немец.

– Нет уж, лучше немец, нежели турок! – заорал Цецеи.

Добо перебил стариков, чтобы они не сцепились вновь:

– Хорошего мало и в том и в другом, это верно. Мы в Верхней Венгрии считаем так: подождем малость, может, немец выставит свои силы против турка. А кроме того, мы хотим убедиться, не продает ли Янош нашу отчизну туркам.

– Продал уже, братец, давно продал! – сказал Цецеи, махнув рукой.

– Не верю, – ответил Добо. – Ему нужна была корона, а не дружба с турками.

На столе появилось блюдо с цыплятами, жаренными в сухарях. Лица стариков смягчились. Все сели за стол.

– Эх, братец, когда-то и я был таким же молодым, как ты! – Цецеи покачал головой. – Сколько тебе лет?

– Тридцать один, – ответил Добо. – Да не сегодня-завтра и меня уж никто больше молодым не назовет.

– Покуда не женился – всегда молод. Но теперь самая пора тебе обзавестись семьей.

– Все некогда было, – сказал Добо улыбаясь. – Я, отец, с малых лет всё в сражениях да в сражениях.

– Так и надо. С тех пор как свет стоит, венгерец так живет. Ты, может, думаешь, я в танцах потерял обе ноги? Я, братец, начал вместе с Кинижи⁹! Меня король Матяш¹⁰ по имени называл. Закончил же я вместе с Дожей, а он, поверь мне, был героем из героев.

Цецеи поднял в честь Добо полный до краев оловянный стакан:

– Да благословит Господь венгерцев, а тебя, братец, особенно. Пусть он пошлет тебе победу над врагом и жену красивую. А в шахматы играть умеешь?

– Нет, – ответил Добо, улыбнувшись такому неожиданному повороту в мыслях Цецеи, и, одним духом осушив стакан крепкого красного вина, подумал: «Теперь понятно, почему старики так разошлись».

– Раз не играешь в шахматы, то хороший полководец из тебя не получится, – сказал Цецеи.

– Если б мы бились по-восточному – рать на рать, не получился бы. Но ведь мы-то бьемся по-венгерски – человек на человека. А этому шахматная доска не научит.

– Так, выходит, ты все же умеешь играть?

– Нет, я только знаю, как играют.

– Вот если научишься – и судить будешь по-иному. За час шахматной игры, братец, можно узнать все приемы настоящего боя.

– Может быть, вы с отцом Балинтом дома всегда в шахматы играете?

– Мы? Никогда! Мы и без шахмат ругаемся почем зря. А ведь и оперились вместе, и жили вместе, и сражались...

– ...вместе и помрем, – закончил священник, кивая головой.

Старики дружелюбно переглянулись и чокнулись.

– Но ты, Балинт, согласишься хоть с тем, что человек, выгнавший из логова лисицу Морэ, совершил доброе дело. А ведь это дело рук Фердинанда.

Цецеи провел рукой по усам.

– Положим, не только Фердинанда, – заметил Добо, – а обоих королей. Там были оба войска. Злодеяния Морэ уже всем не под силу стало терпеть. Под конец он даже могилы стал разрывать.

– А все-таки больше войска послал Фердинанд.

– Нет, скорее уж король Янош. Фердинанд только велел Балинту Тёрёку помочь Яношу и отрядил еще пятьдесят рудокопов.

⁹ *Кинижи* Пал (ум. 1494) – национальный герой Венгрии, прославившийся в битвах против турок.

¹⁰ *Корвин Матяш* – венгерский король с 1458 по 1490 год. Опираясь на мелких и средних феодалов и города, проводил политику централизации страны; вел успешную борьбу против угрожавших независимости Венгрии турок и Габсбургов.

- Чтоб стены рушить?
- Да... С нами и турки были...
- Конечно, под стягом Яноша?
- Да, черт бы побрал таких помощников! Больше грабят, чем помогают.
- Кто, свиньи акынджи?
- Ну да.
- И что ж, легко вы справились с замком?
- Не сказал бы, отец. Стены крепкие, стенобитных орудий не взяли с собой ни мы, ни войско Яноша. А много ли сделаешь фальконетами¹¹!
- Я бывал там, – заговорил священник. – Это тебе не домик с оградой, а неприступная твердыня. Стало быть, замок они не сдали?
- Нет. Нам пришлось приставить к скале пятьдесят рудокопов. Ох, и работа же им досталась! Что говорить! Кирки высекали искры из камня, а железные балки едва-едва держали его. Но в конце концов против стольких рук и камень не устоял.
- Взорвали?
- Сперва передали Морэ, что мина заложена. Он ответил, чтобы ждали до утра. Мы согласились. И что же натворила эта коварная лиса? Собрал весь народ и велел им крепко держаться. А он, мол, тем временем украдкой выберется из замка и приведет подмогу. «Ладно! – говорят ему. – Только какая порука, что ты вернешься?» – «Я оставлю здесь своих сыновей, – ответил негодяй, – все золото, серебро и скот. Какой вам еще залог надо?» Он спустился по веревке с крепостной стены – и был таков. Мы, конечно, ничего не заметили в кромешной тьме. Когда же солнце взошло – видим: белого флага на замке нет, парламентар не идет, ворота тоже никто не думает открывать... Мы и взорвали мины. Разве здесь не было слышно? Грохот стоял такой, что горы сотрясались. Стены рухнули, мы ворвались в замок. Солдаты наши до того расшвирились, что поубивали всех людей Морэ...
- Детей тоже?
- Нет. Детей Морэ мы обнаружили в каменном подземелье. Двух славных черноволосых мальчуганов. Они теперь у короля Яноша.
- А сейчас вы ищете Морэ?
- Я завернул сюда с четырьмя молодцами – думал, нападём на его след. По дороге мы встретили полевого сторожа, у которого он ночевал в погребке. Сторож сказал, что Морэ направился сюда, к Печу.
- Госпожа Цецеи обернулась.
- Магда, где Вицушка? – спросила она девушку, которая что-то скребла во дворе.
- Не знаю, – ответила служанка. – После обеда она играла в саду.
- Беги поищи ее!
- Это моя доченька, – улыбнулся Цецеи. – Господь на старости лет послал мне утешение. Вот посмотришь – настоящая маленькая фея Илона¹²!
- А сына у вас нет?
- Цецеи, помрачнев, покачал головой:
- Был бы сын, так у меня даже рука выросла бы снова, словно у рака клешня.
- Девочки нигде не оказалось. За жарким спором и чтением письма все позабыли о маленькой Вице. Служанкам было тоже не до нее – они нашли себе занятие во дворе. Там витязи подкручивали усы, девушки ходили, колыша юбками, и веселились так, будто витязи съехались к Цецеи на смотрины.
- Уже всё обшарили вокруг дома.

¹¹ *Фальконет* – старинная мелкокалиберная пушка.

¹² *Фея Илона* – героиня венгерской народной сказки.

– Вицушка!.. Вицушка!..

Облазили все кусты, обыскали все уголки в деревне, где обычно играли ребята. Куда же запропастилась тетка Като? Ведь ей было поручено смотреть за девочкой. Заснула, должно быть, старуха. Да видел ли кто-нибудь Вицушку? Никто не видел. После обеда она разговаривала у садовой калитки с каким-то мальчонкой. Кто ж там проходил? Не иначе, как Гергё. Он вел пасти дедушкиного коня. А где же Гергё? И его нет нигде. Наверно, пошел с конем в лес. Вот она, детская беспечность! Сколько раз говорили мальчишке, чтобы не заходил с конем дальше тутовника.

Обыскали весь лес вокруг деревни.

– Вицушка!.. Вицушка!..

Занялись поисками и Добо со своими солдатами. Заглянули за каждое деревце, каждый куст, осмотрели все заросли бурьяна вокруг деревни, все канавки, овражек – не задремала ли где-нибудь девочка.

– Вицушка!.. Вица!..

Плача и причитая, искала своего сына и матушка Гергё. Старуху Като нашли в лесу. Она уже давно искала, звала – даже горло надорвала, охрипла совсем.

Наконец перед вечером послышался радостный крик служанки:

– Нашлись!

– Ну, слава богу!

– Вон их одежда!

Но, увы, это была только одежда – беленькая сорочка, красные башмачки, желтая юбочка из тафты, рубашка Гергё, его штанишки и шляпа. Ребята, должно быть, купались – на мягком песке у самой речки отпечатались следы их ног. Один след – побольше, с растопыренными пальцами, – след ноги Гергё. И совсем маленький – след ножки Вицушки.

Видно, в речке утонули ребята.

3

– Меня зовут Маргит. Вот так и зовите: тетя Маргит, – сказала девушка, сидевшая на телеге. – Я вам сказки расскажу. Сказок я знаю пропасть. А вы сами-то откуда, родненькие мои?

– Из деревни, – печально ответил Гергё.

– Из деревни, – пролепетала и девочка.

– А из какой деревни?

– Вон из той.

– Как же называется ваша деревня?

– Называется?

– Да, как она называется?

– Называется? Не знаю, как называется.

У круглолицей Маргит были пухлые губы, всегда точно протянутые для поцелуя, а вокруг носа были рассыпаны веснушки. На шее она носила голубые стеклянные бусы. Турки увезли ее из одного хуторка Шомодьского комитата.

Слушая ответы детей, она только покачивала головой. Потом тайком нарвала лоскутков из наваленного кучей разного белья, навернула их на деревянную ложку и смастерила куклу.

– Это Вицушкина куколка. Платочек у нее желтый, юбочка красная. Мы будем ее одевать, укладывать спать, баюкать и танцевать с нею.

Медленно плелась невольничья повозка.

Рядом брели широкоплечий деревенский парень и молодой рябой цыган. Оба босые. Цыган был в залатанных синих штанах и синем доломане. Из внутреннего кармана доло-

мана торчала грязная воронка деревянной дудки. По другую сторону повозки шли священник в черной сутане и лохматый большеголовый крестьянин. Крестьянину, должно быть, лет сорок. Священник помоложе. Это высокий человек с тонкими чертами лица, без усов, без бороды и даже без бровей. Лицо у него красное, как свекла, одни только глаза черные. Несколько дней назад турки поливали его кипятком, требуя, чтобы он отдал им сокровища своей церкви.

Но какие там были сокровища в его церквушке!

А теперь бедняги попали в рабство. На ногах у них цепи, руки скованы у кого спереди, у кого позади. Парень идет на одной цепи с цыганом, священник – с крестьянином. У парня под кандалами щиколотки обвернуты тряпками. Тряпки уже все в крови.

– Остановимся, – взывал он иногда с мольбой. – Я хоть кандалы поправлю.

Но янычары, болтавшие между собой по-турецки, не обращали на него внимания и в лучшем случае отвечали сердитым взглядом.

Гергё устался на парня. Какие у него большие руки! А сколько пуговиц на поддевке! Вот уж кто не боится! И не будь у него руки закручены за спину, все янычары, наверно, разбежались бы от него.

Парень и правда не боялся. Он поднял голову и заорал на сутулого турка, трусившего рядом с ним верхом:

– Чтоб вы сгорели, басурманы! Волчье отродье!

– Гашпар, Гашпар, – успокаивала его Маргит, сидевшая на телеге, – надо покорно переносить свою участь. Видите, и солнце уже клонится к закату: в такую пору они всегда делают привал.

Маргит утерла слезы на глазах, но тут и мальчик с девочкой расплакались.

– Я хочу домой! – закричал Гергё.

– К папе! – вторила ему, плача, малышка Эва.

А турки и вправду остановились. Слезли с коней, вытащили кувшины, помыли руки, ноги и лица. Потом стали в ряд на колени, лицом к востоку, и, поцеловав землю, начали молиться.

Невольники молча смотрели на них.

Девушка сошла с повозки, оторвала лоскут от своей сорочки и перевязала им парню ноги. Потом осторожно, бережно надвинула кандалы на повязку.

– Благослови тебя Бог! – произнес парень со вздохом.

– Коли удастся, Гашпар, мы на ночь еще подорожник приложим.

Лицо ее искривилось – казалось, она вот-вот заплачет. Так и плакала она ежечасно; поплачет, поплачет и снова поет ребятам песни: ведь стоило только ей заплакать, как и они пускались в рев.

– Эх, и подвело же брюхо с голодухи! – сказал цыган, присев возле них прямо на пыльную дорогу. – Такого великого поста я еще в жизни не соблюдал.

Возница – тоже невольник со скованными ногами – улыбнулся.

– Я и сам есть хочу, – сказал он, бросив презрительный взгляд на турок. – Вечером сварю такой паприкаш¹³, что весь нам достанется.

– Ты что же, повар?

При фамильярном «ты» брови возницы дрогнули, но все же он ответил:

– Только по вечерам. Днем они и обед достают себе грабежом.

– Чтоб им ослепнуть! Чтоб на Масленицу у них ноги судорогой свело! Ты давно у них служишь?

– Три дня.

¹³ Паприкаш (венгер.) – венгерское мясное блюдо с молотым красным перцем, который в Венгрии называется паприкой.

– А улизнуть никак нельзя?

– Нет. От этих не удерешь! Погляди, какие на мне сапоги. – Возница поднял ногу – раздался звон тяжелых, толстых цепей.

– А вдруг тебе сегодня не придется готовить? – с тревогой сказал цыган.

– Наверняка придется. Вчера я им так вкусно сготовил, что они ели да облизывались, как собаки.

– Хоть бы и мне этак облизнуться! Я уж и позабыл, зачем у меня зубы выросли, только что щелкаю ими с голоду.

– Турки нынче и вином разжились. Вон везут в задке телеги.

– Турки-то ведь не пьют!

– Они как увидят вино, сразу свой турецкий закон забывают.

– Тогда будет и на моей улице праздник! – развеселился цыган. – Я такую песенку сыграю, что они все запляшут.

Кривой янычар и после молитвы не тронулся в путь. В вечерней мгле с вершины горы смутно был виден в долине город, окутанный дымкой, – гнездовье венгерцев. Осиное гнездо!

Турки посовещались меж собой, потом кривой янычар кинул вознице:

– За мной! В лес!

И повозки заехали в лес, подальше от проезжей дороги.

Уже и солнце затонуло за деревьями, сумраком заволокло дубраву. В ясном небе засверкала первая звезда.

Турки нашли удобную лужайку. Янычар развязал руки священнику и гаркнул:

– Разжигай костер!

– Ваша милость, сударь-государь турок, целую ваши руки-ноги, уж лучше я разожгу костер. В этом деле я больше смыслю, прямо мастак, – предложил цыган свои услуги.

– Молчи! – заорал на него турок.

Позвали и трех невольниц, чтобы они помогли развести огонь. Женщины вместе со священником пошли к ближайшим деревьям собирать валежник и сухие листья. С помощью огнива и трута высекли огонь, и вскоре запылал костер. Затем турки освободили возницу и разрешили ему слезть с облучка.

– Свари то же самое, что и вчера, – приказал ему кривой янычар.

Возница поставил в большом чугунном котле воду на огонь, и когда священник с цыганом освежали барана, он умелыми руками накрошил мясо в воду, положил побольше репчатого лука и насыпал паприки. Он, наверно, накрошил бы и картошки, да только в те времена картофель был редкостью, не хуже ананаса. Даже за столом знатных господ подавали его только как деликатес, и названия точного у него еще не было – именовали его то америкскими, то земляными яблоками.

Вокруг костра развалилось человек двадцать турок. Въехав в лес, они сразу же поставили телеги кругом в виде ограды. Лошадям спутали ноги и пустили их пастись на лужайку, а невольников согнали внутрь ограды. Их было шестнадцать человек: девять мужчин, пять женщин и двое детишек. Бедняжки так и повалились на траву. Некоторых тут же одолел сон.

Маленькая Вица заснула на целой горе узлов. Уронив голову на колени Маргит, правой рукой прижимая к груди свою жалкую куклу, она спала и видела сны. Рядышком лежал на животе Гергё.

Кривой янычар оставил детей вместе с девушкой на возу и иногда поглядывал на них.

Костер пылал высоким пламенем. Турки резали баранов, кур и гусей. Невольники усердно трудились, приготавливая ужин. Немного спустя в чанах и котлах уже кипел паприкаш, а на вертелах подрумянивались бараньи ножки.

Лесной воздух наполнился заманчивым ароматом.

4

Не прошло и часу, как возница Андраш получил такую оплеуху, что шляпа его отлетела на две сажени.

– Чтоб тебе в седьмом кругу ада сгореть! Сколько ты паприки набухал? – заорал одноглазый янычар, крепко зажмурившись, и высунул язык, который жгло, как огнем.

К великой радости цыгана, весь паприкаш достался невольникам.

– Ай, ай, ай! За это стоило вытерпеть и две пощечины!

Турки поделили меж собой жаренные на вертеле бараньи ножки.

В бочки уже вставили краны, и турки пили венгерское вино из кружек и рогов.

Цыган встал, обтер руками рот, а руки вытер о штаны и затараторил:

– Ваша милость сударь-государь Умрижаба, целую ваши руки-ноги, дозволейте сыграть что-нибудь для удовольствия почтенных гостей.

Кривой янычар Юмурджак, которого цыган назвал Умрижабой, обернулся и, насмешливо сощурившись, спросил:

– Венгерцев хочешь скликать своим кукареканьем?

Цыган спокойно поплелся обратно к котлу и, запустив в него деревянную ложку, буркнул:

– Чтоб тебя повесили в самый сладкий твой час!

Турки жадно ели и пили, тут же делили добычу, менялись награбленным. Мрачный акынджи с обвислыми усами снял с повозки железный ларец. Ларец взломали, и из него посыпались золотые монеты, кольца и серьги.

Турки повели дележ у костра. Любовались драгоценными камнями.

Гергё хотелось спать, но он не мог отвести глаз от Юмурджака. Страшным и странным казалось ему это лицо, этот голый череп. Стоило турку снять колпак, и его бритое лицо сливалось с бритой головой. А как чудно он смеялся, даже десны были видны.

Деньги поделили. Турок вытащил из-под доломана туго набитый деньгами толстый замшевый пояс и пошел туда, где паслись кони.

Гергё по-прежнему не спускал с него глаз. Он увидел, что турок вытащил из луки седла деревянный шпенек и через маленькое отверстие стал просовывать туда деньги.

Невольники еще не кончили есть. К паприке они были привычны. Возница Андраш с удовольствием уплетал мясо.

– А ты почему не ешь? – обратился священник к Гашпару.

Парень сидел с краешка, понуро уставившись в темноту.

– Охоты нет, – ответил он угрюмо.

Немного спустя он взглянул на священника.

– Отец Габор, как поедите, выслушайте меня – хочу вам два слова молвить.

Поп отложил в сторону деревянную ложку и, звеня цепями, подсел к Гашпару.

– Чего тебе, сынок?

Парень смотрел, моргая глазами.

– Прошу вас, исповедуйте меня.

– Зачем?

– А затем, – ответил парень, – чтоб на тот свет явиться с чистой душой.

– Ты, Гашпар, еще не скоро туда явишься.

– Скорее, чем вы думаете. – Гашпар кинул мрачный взгляд на турок и продолжал: – Когда невольники кончат ужинать, сюда подойдет тот турок, что схватил меня. Он придет, чтоб надеть нам на руки кандалы. Вот я и убью его.

– Не делай этого, сын мой.

– А я его все равно убью. Только он подойдет – выхвачу у него кинжал и заколю, собаку! Прямо в брюхо клинок воткну! Так что вы уж, пожалуйста, исповедуйте меня.

Священник пристально посмотрел на него.

– Сын мой, – проговорил он спокойно, – я не стану тебя исповедовать: я лютеранин.

– Новой веры?

– Сын мой, она только называется новой, а на самом деле это старая вера, та самая, которую завещал нам Иисус Назарянин. Мы не исповедуем – только сами исповедуемся Богу. Мы верим, что Господь зрит наши души... Но зачем тебе погибать? Сам же видишь – мы еще на венгерской земле, и Печ отсюда неподалеку. Частенько ведь случалось, что венгерцы отбивали невольников.

– А если не отобьют?

– Божья милость будет над нами. Ведь есть и такие люди – их даже немало, – которые достигли счастья на турецкой земле. Идет туда человек, закованный в цепи, а в Турции становится господином. Потом и домой возвращается... Пойдем, сын мой, поешь.

Парень мрачно смотрел на турок.

– Черт бы побрал их, окаянных! – пробормотал он сквозь зубы.

Священник покачал головой:

– Зачем ты позвал меня, если не слушаешься?

Парень встал и поплелся к невольникам.

Это были большей частью молодые и крепкие люди. Среди женщин сидела цыганка с горящими, лучистыми глазами. Руки, ноги и даже волосы ее, по цыганскому обычаю, были выкрашены в красноватый цвет.

Цыганка иногда вскидывала голову, отбрасывая волосы, падавшие ей на глаза. Она то и дело говорила что-то на своем языке рябому цыгану Шаркёзи.

– Кто она такая? Жена твоя? – спросил его возница.

– Нет, – ответил цыган, – еще не была моей женой.

– О чем же вы с ней толкуете по-цыгански?

– Да вот просит подпустить ее к костру, она будущее предскажет.

– Наше будущее в руках Бога, – строго сказал священник. – Не устраивайте никаких комедий, не кощунствуйте.

Среди невольников сидело двое пожилых. Первый – молчаливый человек, по виду знатный барин, смуглый, седобородый, с длинными, свисающими усами. Его можно было принять и за барина и за цыгана. Он не отвечал ни на какие вопросы. От левого уха через всю щеку тянулся у него алый шрам. Станный запах исходил от него: так пахнет пороховой дым. Второй – тот крестьянин, которого вели на одной цепи со священником. Он смотрел на все широко раскрытыми глазами, словно удивлялся. Голова его свесилась на грудь, будто она была тяжелее, чем у других людей. Да и правда, голова у него была огромная.

Невольники ели паприкаш из баранины и тихо беседовали меж собой. Толковали о том, как бы освободиться от турок.

– Да никак, – сказал вдруг большеголовый крестьянин и, положив ложку, вытер губы рукавом рубахи. – Я-то знаю – я уже однажды помучился в рабстве. Десять лет жизни у меня пропало.

– И что же, вас домой отпустили?

– Какое там отпустили!

– Так как же вы освободились?

– Как? А так – задаром, без выкупа. Привезли меня раз в Белград, и оттуда я удрал – переплыл Дунай.

– Каково же в рабстве-то? – спросил шестнадцатилетний парнишка со светлыми водянистыми глазами.

– Что ж, братец, нельзя сказать, чтобы там меня жареными цыплятами кормили.

– А вы у богатого служили? – спросил кто-то из-под телеги.

– У самого султана.

– У султана? Кем же вы служили у султана?

– Главным чистильщиком.

– Каким это главным чистильщиком? Что же вы у него чистили?

– Конюшню.

Невольники рассмеялись, потом снова понурились.

– А с женщинами как обращаются? – спросила черноволосая молодлица.

Крестьянин пожал плечами.

– Тех, кто помоложе, замуж берут – становятся турецкими женами. Но больше всё служанками.

– А как обращаются с ними?

– Да с кем как!

– Зверствуют?

– Когда как.

– Бьют женщин? Правда, что они очень бьют женщин?

Священник встал.

– Стало быть, дорогу вы знаете?

– Лучше б я ее не знал!

Поставив ногу на ступицу колеса телеги, священник при отсветах костра пристально разглядывал широкое, гладкое кольцо кандалов, охватывающее щиколотку. На нем были выцарапаны значки. Это были записи какого-то невольника: страдания долгого пути, изложенные в двадцати словах.

Священник прочел:

– «От Нандорфехервара до Хизарлика один день. Потом Баратина...»

– Нет, – заметил крестьянин, – до Баратины пять привалов.

– Значит, эти пять крестов означают пять привалов. Стало быть, пять стоянок.

– «Затем следует Алопница...»

Крестьянин кивнул.

– «Потом Ниш...»

– Это уже Сербия, – вздохнул крестьянин, обняв свои колени. – Там растет этот... как его? Рысь, что ли...

– Рысь? – удивилась одна из женщин.

Крестьянин не ответил.

Священник продолжал рассматривать насечки на кандалах.

– «Потом следует Кури-Кемце...»

– Там много скорпионов.

– «Шаркёви...»

– Там три мельницы работают. Чтоб у них в запруде вода пересохла!

– «Цариброд...»

– Вот где меня исколошматили! Ртом и носом хлынула кровь. И голову рассекли.

– А за что? – спросили сразу несколько человек.

– За то, что я разбил кандалы на ногах. Вот за что!

– «Драгоман...» – читал священник.

– Это уже в Болгарии, – сказал крестьянин. – Оттуда мы приедем в Софию. А в Софии башен видимо-невидимо. Большой город!

Священник, послонив палец, тер кандалы.

– «Иктыман...»

– Там девушка одна померла, бедняжка.
– «Капидервен...»
– Снегу там... Даже летом и то снег лежит на горах.
– «Позарки», что ли?
– Да, да, Позарки, чтоб они провалились! В Позарках мы ночевали в овчарне, и крысы бегали по нашим головам.
– «Филиппе...»
– Это тоже город. Чтоб он сквозь землю провалился! Да только чтоб ночью, когда все в сборе и спят под кровом.
– «Каладан...»
– Там продали моего дружка. Чтоб их проказа изъела!
– «Узонкова...»
– Фруктовых садов там пропасть. Место хорошее. Одна женщина подарила нам в Узонкове две корзины яблок.
– «Харманлы...»
– Там один знатный турок купил Антала Давидку. А сперва меня торговал.
– «Мустафа-Паша-Кёпрю...»
– Там наведен огромный каменный мост. Чтоб ему треснуть пополам!
– «Адрианополь...»
– Большой вонючий город. Там водятся громадные твари – слуны.
Невольники удивились:
– С луны?
– Да вот, – ответил крестьянин, – живая скотина, этакая громадная, не меньше груженого воза, а то и больше. Голая, как буйвол. А нос у него не хуже хвоста у иной скотины. Как начнут его мухи кусать, так он носом спину себе чешет.
– «Чорлу...»
– Там мы увидим море!
Невольники вздохнули. Иные закрыли лицо руками, другие уставились в темноту глазами, полными слез.

5

Заговорил человек, пропахший порохом и со шрамом на лице.
– Земляки, – сказал он, понизив до шепота свой грубый голос, – освободите меня, и я всех вас отобью от турок.
Невольники взглянули на него. Говоривший искоса посмотрел на турок и продолжал еще тише:
– Я знатный человек. У меня два замка, дружина и деньги. Так вот, когда я буду сидеть вон там, возле пятой телеги, вы нарочно поднимите шум и затейте свару.
Крестьянин, уже побывавший в рабстве, пожал плечами:
– Изобьют нас, да и вас тоже.
– Как ваше имя, сударь? – спросил священник.
– Мое имя Раб, – нехотя ответил человек со шрамом на лице.
Он поднялся, проковылял несколько шагов по направлению к туркам, потом сел и, прищурившись, стал рассматривать людей, освещенных пламенем костра.
– Подумаешь, знатный человек! – махнул рукой один из невольников. – Цыган какой-нибудь, а может, и палач.
При слове «палач» Гергё вздрогнул и с ужасом уставился на незнакомца. Своим детским умом он понял так, что этот человек – цыганский палач.

– Эх, была бы у нас разрыв-трава! – вздохнул Гашпар – парень, которому кандалами натерло ногу. Он примостился возле самого колеса телеги.

Невольники сидели в печальном раздумье. Гашпар продолжал:

– От разрыв-травы любые кандалы спадают.

Янычары вдруг оживились и с радостными криками сгрудились вокруг одного бочонка. Они обнаружили в нем сладкое вино. Бочонок подкатали к костру, и турки, причмокивая, стали потягивать вино.

– Да здравствует Венгрия! – заорал Юмурджак и, подняв чару, показал ее невольникам. – Да здравствует Венгрия, чтоб турок мог пить до самой смерти!

– Откуда ты знаешь венгерский язык? – спросил человек со шрамом на лице, недавно назвавший себя Рабом.

– А тебе какое дело? – небрежно ответил Юмурджак и засмеялся.

В небе уже зажглись звезды, поднялась луна. Вокруг деревьев, осыпанных росой, жужжали майские жуки.

Невольники легли на траве, уснули и в сновидениях продолжали искать пути к освобождению. Заснул и священник, положив руку под голову, – видно, привык спать на подушке. Цыган спал, скрестив руки на груди и широко раскинув ноги. Все забылись глубоким сном. Только Гашпар вздохнул еще раз жалобно и сонным голосом сказал:

– Не видать мне больше прекрасного Эгера!

Гергё тоже задремал, подложив ладонки под загорелую щеку и уткнувшись головой в торчащий угол перины.

Мальчик совсем уж было уснул, как вдруг встрепенулся и весь обратился в слух: до него донеслось имя Цецеи.

Имя это произнес хриплым голосом «цыганский палач», а турок повторил его.

Они беседовали возле самой телеги.

– У Цецеи! Я точно знаю, что у Цецеи! – сказал «цыганский палач».

– Сокровища Дожи?

– Все сокровища. Понятно, те, что были тогда при нем.

– И что это за сокровища?

– Золотые чаши, кубки, золотое блюдо, огромное, как восходящая луна, жемчужные и алмазные браслеты, ожерелья, золотые цепи, – словом, всякие драгоценности, какие бывают у господ. Может быть, конечно, часть их переплавили в слитки, но тогда мы найдем слитки.

– Стало быть, он тут и живет, в самой чаще лесной?

– Тут и живет. Из-за сокровищ он и уединился от мира.

– А оружие есть у него?

– Чудесные сабли с серебряной насечкой. Правда, я видел их только штук пять, и нагрудники. Один – уж очень красивый, легкий – принадлежал королю Лайошу¹⁴. У Цецеи весь чердак набит битком, и в комнате штук шесть кованых сундуков, я это точно знаю. В них, наверно, и хранятся самые драгоценные вещи.

– Цецеи... Никогда о нем не слышал.

– Потому что он уже калека, не участвует в сражениях. Цецеи был казначеем у Дожи.

Турок покачал головой.

– Мало нас, – сказал он задумчиво, – надо выждать до завтрашнего вечера и собрать сильный отряд.

– Для чего туда столько людей? Народу будет много, на всех делить придется. А что нам Цецеи? Он уже старик. Да и вместо рук и ног у него деревяшки торчат.

– А ратники у него есть?

¹⁴ Лайош – король Венгрии (1516–1526). Погиб в битве при Мохаче.

– Только крепостные, что пашут и сеют.
– Когда ты был у него в последний раз?
– Пожалуй, с год назад.
– Год – большой срок. Мы лучше соберем большой отряд и нагрянем. Если ты правду сказал, я тебя отпущу и даже вознагражу, а уж коли солгал – повешу на воротах цецеевского дома.

Турок вернулся к костру и, очевидно, стал пересказывать солдатам слова невольника, так как те внимательно слушали его.

Голова Гергё точно свинцом налилась. Он заснул. Но виделись ему страшные сны. Под конец приснилось, что турки носятся по его деревне с обнаженными саблями, схватили его мать и вонзили ей в грудь кинжал.

Мальчик застонал и проснулся.

Кругом ночная мгла и щелкают соловьи. Сотни, тысячи соловьев. Словно слетелись они в этот лес со всех концов земли, чтобы навеять невольникам сладкие сны.

Гергё взглянул на небеса. Облака разорваны. Кое-где проглядывают звезды, и светится бледный серп луны.

Костер под деревом уже подернулся пеплом. Только посередке алел раскаленный уголь величиной с кулак. Вокруг костра в траве развалились янычары.

Тут же лежал и Юмурджак. Под головой у него сума, рядом кубок или кружка, а может быть, это и колпак – в полумраке не разберешь.

«Надо уходить домой!» – пронеслось в голове Гергё.

«Нельзя». Это была вторая мысль.

Он оглянулся. Все спят. А что, если пробраться между ними? Надо пробраться, а то не видать ему больше родного села.

Маленькая Эва спала рядом. Гергё осторожно потряс ее и шепнул на ухо:

– Вицушка!

Девочка открыла глаза.

– Пойдем домой, – прошептал Гергё.

Губы Вицушки скривились на миг, но плаксивая гримаска тут же исчезла. Девочка присела и уставилась на Гергё с удивлением, с каким котенок смотрит на чужого человека. Потом глазки ее остановились на кукле, лежавшей у нее на коленях. Вица подняла куклу и посмотрела на нее тем же удивленным взглядом.

– Вицушка! Вицушка! Пойдем, – уговаривал ее Гергё, – только тихо-тихо.

Он слез с наружного края телеги и снял девочку.

Как раз возле телеги сидел асаб. Копье лежало у него на коленях, фляга – рядом, а голова покоилась на спице колеса. Асаб спал так крепко, что удери хоть все деревья из лесу, он бы не заметил, лишь бы осталась на месте телега, к колесу которой он прислонил голову.

Гергё взял Вицушку за руку и потащил за собой.

– Серый... – пробормотал он. – Серого надо тоже привести домой.

Но Серый был связан с турецкой лошадкой. Гергё кое-как развязал путы, но расцепить поводья ему не удавалось.

– Ах, черт! Не могу! – ворчал он, пытаясь развязать узел.

Он почесал голову, плача от досады.

Снова попытался. Даже зубы пустил в ход. Но сладить с узлом никак не мог. Наконец схватил Серого и повел.

К лошадям тоже был приставлен сторож. Но и тот уснул. Спал он сидя, привалившись спиной к кривому дереву, и громко храпел, раскрыв рот. Гергё, ведя коней в поводу, чуть не наскочил на него.

Трава заглушала шаги лошадей. Двигались они словно тени. Никто не проснулся: ни пленники, лежавшие внутри ограды из телег, ни турки, лежавшие за оградой.

Гергё остановил Серого возле удобного пенька и взобрался на коня.

– Садись и ты, – тихонько сказал он девочке.

Но малышке Эве не только на лошадь, но и на пенек взобраться оказалось не под силу. Гергё слез и посадил девочку сперва на пенек, а потом и на спину коня.

Так они оба и устроились на Сером: впереди Гергё, позади Эва. Девочка все еще держала в руках куклу в красной юбочке. Гергё даже в голову не пришло посадить Эву на гнездо, хотя там было седло с высокой лукой и сидеть в нем было бы спокойно. Но конь-то ведь принадлежал не им.

Эвица обняла Гергея за плечи. Мальчик дернул повод, и Серый направился к опушке леса, увлекая за собой и турецкую лошадку. Вскоре они выехали на дорогу. Отсюда Серый знал уже путь к дому и поплелся ленивым, сонным шагом.

Дорога была темная, едва освещенная луной. Деревья стояли по обочинам точно черные великаны. Но Гергё их не боялся – ведь это были венгерские деревья.

6

Ночью в доме Цецеи никто не спал, на покой удалились только приезжие витязи. Ребят искали дотемна. Поиски в реке решили отложить до рассвета.

Священник Балинт остался утешать безутешных супругов.

Жена Цецеи, как безумная, голосила, падала в обморок:

– Ой, жемчужинка моя ясная, радость моя, птенчик мой единственный...

Старик только мотал головой и в ответ на утешения священника горестно восклицал:

– Бога нет!

– Есть! – кричал ему в ответ священник.

– Нет! – возражал Цецеи, стуча кулаком по столу.

– Есть!

– Нет!

– Бог дал – Бог и взял! А то, что взял, может и вернуть.

Из глаз хромого, однорукого старика катились слезы.

– А если дал, пусть не отнимает!

Священник покинул его только на рассвете.

Едва он вышел из дверей, как навстречу ему поднялся паломник, лежавший на циновке, которую ему расстелили на террасе.

– Ваше преподобие... – тихо сказал он.

– Что тебе, земляк?

– Дети не утонули.

– А что же с ними случилось?

– Их турки увезли.

Священник даже отшатнулся к стене:

– Откуда ты знаешь?

– Когда мы искали их на берегу речки, я увидел на кротовьей кочке след ноги – ноги турка.

– Турка?

– Да. Башмак-то был без каблука. Венгерцы такую обувь не носят.

– А может быть, это был след крестьянских постолов?

– На постолах шпор не бывает. Это был след турка. И еще я заметил след турецкой подковы. Вы-то, должно быть, знаете, какая турецкая подкова.

– А почему ты сразу не сказал?

– Хотел сказать, да передумал. Кто знает, куда их турки утащили! А вся деревня бросилась бы на поиски. Толк-то какой от этого? Турок много, и все вооружены.

Священник шагнул назад и вперед с застывшим взглядом. Вдруг он подошел к дверям, хотел было взяться за ручку, но остановился и вернулся к паломнику:

– Что же нам делать теперь?

Паломник пожал плечами:

– Делайте то же, что и я, – молчите.

– Ужасно! Ужасно!

– Сейчас по всем дорогам бродят турки. Куда они повернули? На восток, на запад? Все это окончилось бы только стычкой, и наши люди погибли бы.

– Уж лучше б и дети погибли! – сказал священник, горестно покачав головой.

– Бог их знает, куда их успели завезти, когда мы пустились на розыски.

Удрученный священник долго стоял на террасе. Уже и небо заалело на востоке, занималась заря.

– Люди! Люди! Приехали!

Священник прислушался. Что это?

Он сразу признал голос ночного сторожа и услышал топот его ног.

– Приехали? Кто приехал?

Топот приближался. Забарабанили в ворота:

– Впустите! Откройте! Ребята приехали!

Священник кинулся в дом.

– Петер, Бог есть! Вставай, потому что Бог есть!

Мальчик и девочка ждали у ворот. Сонные и бледные, сидели они на сером коне.

7

Вся деревня собралась во дворе. Некоторые женщины накинули на себя только юбки; мужчины сбежались на крик, не успев надеть шапки. Гергё передавали из рук в руки, Вицушку совсем зацеловали.

– А откуда взялся этот красивый турецкий конь?

– Это я привел его, – ответил Гергё, вздернув плечами.

– С нынешнего дня Гергё – мой сын! – торжественно произнес Цецеи, положив руку на голову мальчика.

Мать Гергё, босая, в одной нижней юбке, упала в ноги Цецеи.

Добо удивленными глазами смотрел на крестьянского парнишку, который увел от турок коня.

– Отец, – обратился он к Цецеи, – отдайте мальчика мне. Я увезу его к нам, в Верхнюю Венгрию, и воспитаю из него витязя. – Он поднял на руки Гергё. – Сынок, хочешь стать витязем?

– Хочу! – Мальчик улыбнулся, глаза его засверкали.

– Конь у тебя уже есть, от турок мы еще и саблю раздобудем.

– А разве эта лошадь моя?

Солдаты Добо гоняли коня по двору и расхваливали его на все лады.

– Конечно, твоя! Ты же с бою взял ее.

– Твоя! – подтвердил и Цецеи. – Седло и уздечка тоже твои.

– Тогда и деньги наши! – похвалился мальчик.

– Какие деньги?

– А которые в седле.

С коня сняли красивое седло с высокой лукой, обтянутой бархатом. Потрясли его – звенит. Нашли тайничок в луке, и оттуда посыпался золотой дождь.

– Ах, собаки его ешь! – с удивлением восклицал Цецеи. – Где уж мне теперь брать тебя в сыновья, лучше ты меня возьми в отцы... Мамаша, собирай деньги! – крикнул он матери мальчика.

От падающих на землю монет у крестьянки даже в глазах помутилось. Бедняжке казалось, что ей снится сон.

– Это мое? – спросила она, запинаясь и глядя то на Цецеи, то на Добо, то на священника. – Это мое?

– Твое! – кивнул священник. – Господь дал твоему сыну.

Женщина хотела схватиться за фартук, да его не оказалось на ней. Кто-то дал ей свою шапку, и крестьянка дрожащими руками принялась собирать в нее золото.

Сын посмотрел на мать и вдруг сказал:

– Вы, матушка, хорошенько спрячьте, а то завтра они придут.

– Кто придет?

– Турки.

– Турки?

Мальчик кивнул в ответ:

– Я слышал, как турок сказал палачу.

– Палачу?

– Да, цыганскому палачу.

– Сказал, что они придут сюда?

– Да. И отберут сокровища нашего барина. – И он указал на Цецеи.

– Мои сокровища? – Цецеи даже опешил.

Ребенок заморгал глазами.

– Еще они говорили про кованые сундуки – сказали, что их шесть штук.

– Тут дело не шуточное! – молвил Добо. – Пойдемте в дом.

Он взял парнишку за руку и повел с собой.

Мальчика расспрашивали, старались узнать все, что удержалось в его ребячьей головке.

– Говоришь, у него шрам на лице? И он смуглый? А какой шрам?

– Красная борозда от губ до самого уха.

Добо вскочил со стула:

– Морэ!

– Кому же быть другому! Мерзавец хочет удрать, потому и наводит на меня турка.

– А разве он знает сюда дорогу?

– Лет шесть назад нагрянул как-то сюда. Все у меня перевероршили, унесли пятьдесят четыре форинта¹⁵, золотой крестик моей жены и семь коров угнали.

Добо сердито зашагал по комнате:

– Отец, сколько у вас людей годятся к бою?

– Человек сорок, если всех принять в расчет.

– Мало. Отсюда до какого города ближе всего? До Печа? Да, но ведь там правит Янош Серечен, а он приверженец короля Яноша и наш враг.

– Бежать надо, бежать! – сказал Цецеи, замотав головой. – Бежать в лес, куда глаза глядят.

¹⁵ *Форинт* – венгерская денежная единица.

– Так ведь вся деревня не побежит! Неужто мы кинем деревню на произвол судьбы из-за стаи каких-то турок? Чтоб им пусто было! Когда надо защищаться от турок, то все мы – венгерцы, чьими бы сторонниками ни были.

Он вышел во двор и гаркнул:

– По коням! – И, уже вскочив в седло, договорил: – Отец, еду к Серечену. А вы тут поработайте до нашего возвращения. Полейте хорошенько все крыши. Пусть крестьяне сгонят сюда свой скот и сами соберутся у вас во дворе. Натаскайте к воротам камни и бочки, устройте заграждения. Женщины тоже пусть вооружаются косами, кирками, вилами. Я вернусь через два часа.

Добо кинул взгляд на светлеющее небо и умчался вместе со своими витязями.

8

Небольшая усадьба Цецеи была обнесена каменной стеной в человеческий рост, но стена, увы, сильно обветшала.

Еще до обеда вся деревня перебралась во двор барской усадьбы. Между узлами и грудами домашнего скарба сновали козы и свиньи, ковыляли утки, бегали куры и гоготали гуси. Возле сарая кто-то точил сабли, ножи и косы. Священник привязал себе к поясу широкую ржавую саблю, посреди двора выхватил ее из ножен, помахал ею и, довольный, сунул обратно в ножны.

Перед кухней несколько женщин варили еду в горшках и котлах.

На чердаке у Цецеи валялось штук шесть изгрызенных мышами луков со стрелами. Он раздал их старикам, которые сражались вместе с ним в войсках Дожи.

Добо вернулся к полудню. Он привел с собой только тридцать солдат-наемников, но и их крестьяне встретили с ликованием.

Добо обошел двор. Кое-где приказал поставить помосты, приступки и навалить камней. Одну половину ворот велел заложить. Затем призвал к себе весь вооруженный народ – пятьдесят один человек – и распределил их по разным участкам стены. Сам же вместе с десятью лучшими стрелками занял место возле ворот на помостах, составленных из бочек.

К обеим околицам деревни Добо отрядил двух трубачей. Они должны были возвестить о приближении неприятеля.

Ждать до вечера не пришлось.

В три часа дня у восточной околицы деревни раздался звук трубы, и несколько минут спустя послышался топот скакавших к усадьбе трубачей.

Цецеи оглянулся:

– Все на месте?

Недоставало только матери Гергё. Бедная женщина пришла в смятение от доставшегося ей обилия золота и теперь где-то прятала, закапывала его. Оставить у Цецеи свое сокровище она не решалась – боялась, что турок отберет. Быть может, она ушла даже в лес, чтобы там схоронить свое богатство.

– Закрывай ворота! – распорядился Добо. – Притащите еще мешков, камней и бревен. Оставьте только такую щель, чтоб всадник мог проскочить.

Трубачи вернулись.

– Идут! – закричал один еще издали.

– А много их? – спросил Добо.

– Мы видели только передних.

– Тогда скачи обратно, – гаркнул Добо, – и посмотри, сколько их. Удрать успеешь, когда погонятся за тобой.

Печский наемник покраснел и, повернув коня, понесся обратно.

Добо обернулся к наемникам, которых привез из Печа, и сказал:

– Так вот вы какие солдаты!

– Нет, – ответил один из них устыдившись, – этот малый только на днях к нам пристал. Он был прежде портным и пороха еще не нюхал.

Несколько минут спустя портной прискакал снова. Позади него в облаках пыли мчались человек пятнадцать акынджи в красных шапках.

Теперь уж за ним и вправду гнались.

– Впустите его! – приказал Добо и подал знак своим стрелкам: – Огонь!

Десять стрелков прицелились. Затрещали выстрелы. Один турок свалился с коня и упал в канаву. Остальные шарахнулись, повернули коней и понеслись обратно на рысях.

Портной проскочил в открытые ворота.

– Так сколько же их? – спросил с улыбкой Добо.

– Тысяча, – ответил портной запыхавшись, – а может, и больше.

Добо махнул рукой:

– Если их не больше сотни, мы еще нынче попляшем.

– Да я же сказал, ваша милость, что тысяча.

– Я понял тебя, – ответил Добо. – Раз ты увидел тысячу, стало быть их сотня, а может, и того меньше.

На краю деревни взвились клубы дыма. Акынджи уже поджигали дома.

Добо покачал головой:

– Так вы что же, не полили крыши?

– Это сено и солома горят, – отмахнулся Цецеи и ударил кончиком сабли по верхушке ворот.

На дорогу выскочил закованный в панцирь кривой янычар. За поясом у него торчали кинжалы и пистолеты. Рядом с ним скакал венгерец, которого Гергё прозвал цыганским палачом. Позади них – отряд акынджи, а по обеим сторонам улицы бежали несколько пеших асабов с горящими факелами в руках.

– Ласло Морэ! – крикнул Добо и даже топнул ногой. – Позор отчизны нашей! Исчадие ада!

Ошеломленный янычар взглянул на скакавшего рядом с ним человека.

– Не верь ему, – воскликнул Морэ побледнев, – он обманывает тебя!

Янычар остановил коня, поджидая ехавших позади.

– Тебя я тоже знаю, Юмурджак! – крикнул опять Добо. – Так вот она, турецкая честь! Грабишь тех, с кем вчера еще вместе сражался? Разбойник! Такой же отпетый негодяй, как и твой сообщник!

Янычар взглянул на Добо, но ничего не ответил.

– Иди, иди сюда, – кричал Добо, – раз уж ты заделался шутком у Ласло Морэ! Принимай приветствие от меня!

Он прицелился – хлопнул выстрел.

Юмурджак покачнулся на коне и свалился в дорожную пыль.

Тут пошли палить и остальные ружья. Турки ответили на «приветствие» пистолетными выстрелами.

Морэ как будто хотел поддержать падающего янычара, но только выхватил у него кинжал из-за пояса. Мгновение спустя он плашмя ударил кинжалом своего жеребца. Жеребец взвился на дыбы и понесся. А Морэ изо всех сил подгонял его.

– Эй, держи, золото удирает! – крикнул Добо туркам.

Турки опешили на миг, потом с яростными воплями помчались вслед за Морэ, а Добо считал скакавших мимо дома всадников:

– ...десять... двадцать... сорок... пятьдесят...

Он подождал с минуту, затем соскочил с помоста:

– Ребята, по коням! Их и шестидесяти не наберется!

Солдаты вскочили на коней, а Добо, уже выезжая из ворот, крикнул Цецеи:

– Если турок в панцире жив, заприте его! А поджигателей пусть прикончат крестьяне!

Проскочив в ворота, они умчались.

В деревне уже местах в пяти змейками поднимался дым. Крестьяне, размахивая косами и топорами, кинулись из ворот.

Цецеи и священник вместе с двумя крепостными поспешно вышли на дорогу. Юмурджак уже сидел на земле, хотя не совсем еще пришел в себя. Пуля, которую послал Добо, вдавила его панцирь как раз над самым сердцем.

– Перевяжите его, – приказал Цецеи, – и отведите во двор.

Турок молча протянул руку.

– В шахматы играть умеешь? – гаркнул на него Цецеи.

Янычар утвердительно кивнул головой, но ответил:

– Нет.

Когда ему перевязывали руку, из канавы поднял голову другой турок.

– Ты этого перевязывай, – сказал один из парней, – а я покамест убью вон того.

– Стой! – проговорил Цецеи.

Он заковывал к окровавленному янычару и, приставив саблю к его груди, спросил:

– В шахматы играть умеешь?

– Помираю, – ответил турок, совсем теряя силы.

– Шах?

– Шах, гардэ, мат? – спросил турок со стоном.

– Да, да, Мохамед тебя забодай. Несите его во двор, это мой невольник!

9

Добо с солдатами вернулись только к заходу солнца. Они привезли с собой уйму плащей, кольчуг, всякого оружия и даже пленника – Ласло Морэ.

– А этого волка посадите в хорошую яму! – сказал Добо, соскочив с коня.

Цецеи чуть не запрыгал от радости:

– Как же вы его поймали?

– Сами акынджи выловили его для нас. У них хватило ума не дать ему молоденькой лошадки. Так что они догнали его легко и только начали связывать, как и мы подросли и разделались с акынджи.

– Всех зарубили?

– Всех, кого удалось.

– Живей тащите лучшую телку! – весело крикнул Цецеи слугам. – И прямо на вертел.

Но сперва подайте вина. Выкатывайте из погреба ту бочку, что стоит у самой стены.

– Нет, погодите еще, – сказал Добо, провожая глазами Морэ, которого вели в чулан. –

А где же Гергё?

– Зачем он тебе? Вон играет на террасе с моей дочкой. Говорят, что убили его мать.

– Убили?

– Да. Кто-то из мерзавцев-поджигателей напал на нее и заколол. Ребенок еще не знает.

– А золото?

– Бедняжка лежит в углу своей хаты, уткнувшись лицом в пол. Там, верно, и закопала она свое золото.

Добо досадливо кашлянул, затем обернулся к мальчику:

– Гергё! Гергё Борнемисса! Пойди сюда, маленький витязь. Садись-ка скорей на свою лошадку, сынок.

– Куда вы еще поедете?

– За теми невольниками, о которых рассказывал мальчик.

– Так испейте хоть глоток! Скорей вина! – крикнул Цецеи слугам. – Турок твой жив, он в чулане.

– Юмурджак?

– А бес его знает, как его зовут! Тот, в которого ты выстрелил.

– Он, он! Стало быть, не умер?

– Нет, только в обмороке был. Второго тоже вытащили из канавы. Да тот, боюсь, не выживет.

– Бойтесь? Повесить надо негодя!

– Хо-хо! Это мой невольник!

– Тогда делайте с ним что хотите. А Юмурджака приведите и дайте ему коня.

Пока витязи потягивали вино из кубков, привели Юмурджака.

– Скажи, Юмурджак, – спросил Добо, – нужно было тебе это?

– Нынче мне, завтра тебе, – угрюмо ответил Юмурджак.

Но, увидев своего жеребца и сидящего на нем Гергё, он от удивления даже рот раскрыл.

Добо подозвал к себе мальчика и выехал из ворот. Скакавшие позади витязи окружили турка.

– Гергё, ты знаешь, куда мы поедем? – спросил Добо.

– Не знаю, – ответил мальчик.

– Мы поедем саблю раздобывать.

– У турок?

– Да.

– Для меня?

– Для тебя. А ты не боишься?

– Нет.

– Самое главное, чтоб парень не боялся! А остальное приложится.

Дальше ехали молча. На мечекской дороге кони поднимали белые облака пыли; когда же въехали на каменистый склон горы, конские копыта звонко зацокали.

В ушах Гергё, точно отзвук колокольного звона, отдавались слова Добо: «Главное, чтоб парень не боялся!»

10

Невольников нашли в лесу. Их сторожили шесть асабов.

Когда между деревьями появились венгерские витязи, невольники повскакали с мест и с криками радости начали разбивать и срывать с себя оковы.

– Эх, собаки, негодяи! – завопил цыган, и все шестеро асабов бросились врассыпную.

Венгерские витязи не стали гнаться за ними. Они были заняты другим делом: освобождали невольников от цепей.

Добо прежде всего протянул руку священнику и назвал себя:

– Иштван Добо.

– А меня зовут Габор Шомоди, – ответил священник со слезами на глазах. – Благослови тебя Господь, Иштван Добо!

Невольники плакали от радости. Женщины целовали освободителю руки, ноги, одежду. А цыган тут же пошел колесом, издавая радостные вопли.

– Не меня благодарите, – проговорил Добо. – Вот ваш спаситель! – И он указал на Гергё.

Мальчика на радостях чуть не задушили в объятиях, целовали, благословляли его. Увы, долго придется ему ждать от людей ласки!

В добычу венгерцам досталось пятнадцать груженных телег и уйма всякого оружия.

Прежде чем приступить к дележу, Добо спросил невольников, кто из них первый попал в рабство.

Выступил вперед молодой парень, крепостной крестьянин, и, сняв шапку, сказал:

– Я, сударь мой.

– Как тебя зовут?

– Гашпар Кочиш, ваш покорный слуга.

– Откуда ты родом?

– Из Эгера, сударь.

– А где ты попал в рабство?

– Под Фейрваром, сударь. Мы занимались извозом.

– Знаешь ты, чьи вещи на телегах?

– Останься мы там, где их турки нагнали, вспомнил бы. Да ведь эти разбойники грабили повсюду.

Добо обернулся к турку:

– Говори, Юмурджак.

– Мы брали везде, где нам Аллах позволил. Все добро неверных принадлежит нам. Где находим, там и берем.

– Что ж, тогда разложите все, и я поделю меж вами.

В одной телеге оказалось много оружия. Оно было тоже взято в разных местах, но большая часть – в замке Морэ.

Вдруг из общей кучи словно вынырнула маленькая, легкая сабля в бархатных ножнах вишневого цвета. Должно быть, она принадлежала сыну какого-нибудь вельможи.

Добо поднял ее.

– Гергей Борнемисса, подойди сюда. Возьми эту саблю, она твоя. Будь верным витязем, защищай отчизну, служи ревностно Богу! Да осенят твое оружие счастье и благодать!

Он привязал саблю к поясу Гергё и поцеловал маленького витязя в лоб.

Мальчик взволнованно принял оказанную ему честь, даже побледнел немного. Быть может, в его душу пахнуло на миг ветром грядущих времен, и ребенок почувствовал, что отныне быть ему неразлучным с саблей.

Все, что не пригодилось солдатам, Добо поделил между невольниками. Каждый из них получил телегу, лошадь и оружие. Витязи не очень-то зарились на запряженных в телеги тощих крестьянских кляч.

Цыган с громкими криками скакал вокруг доставшейся ему лошади и телеги. Но вскоре он поспешил к куче оружия и напялил на себя всякую негодную ржавую дрянь, которой пренебрегли солдаты. Он по-турецки подпоясался платком и так утыкал себя разными ножами да кинжалами, что стал похож на колючего ежа.

Тут же валялся и сплетенный из морского тростника старый турецкий щит. Цыган нацепил его себе на руку. К босым пяткам прикрепил две большущие ржавые шпоры, а на голову нахлобучил шлем. Однако у него хватило ума оставить под шлемом и шляпу. Затем он схватил с земли длинную пику и, ступая осторожно, будто по сырым яйцам, торжественным шагом подошел к Юмурджаку.

– Ну, Умрижаба, – обратился он к турку, размахивая у него под носом пикой, – как живется тебе, бибас¹⁶ турок?

Все покатались со смеху, но Добо прикрикнул на цыгана:

¹⁶ Бибас (цыг.) – глупый.

- Эй, ты! Перестань нос задирать! Ты из каких краев?
Цыган вдруг заискивающе поклонился:
– Целую ваши руки-ноги, я отовсюду, где только музыка слышна.
– А ружья чинить умеешь?
– Как же, ваша милость, благородный витязь. Самое скверное ружье почию так, что лучше нового станет.
– Так вот что: загляни на днях в Сигетвар, в усадьбу Балинта Тёрёка. Там ты заживешь на славу.
Худенькая цыганка пристала к Добо, чтобы он разрешил ей погадать.
– Жена моя нагадает так, что ни в одном слове не ошибется, – сказал цыган. – Она и нынче утром предсказала, что нас освободят.
Женщины подтвердили, что правда – цыганка это предсказала.
– Предсказала, – согласился и Гашпар, – да только не поверили ей.
– В том-то и беда, что ей никогда не верят. – Цыган размахивал руками. – Вот видишь, бибас, теперь-то ты поверил!
Цыганка подседа к костру, сгребла весь жар и бросила в него крохотные черные зерна.
– *Datura Stramonium*¹⁷, – сказал поп с презрением.
С тлеющих углей поднялся синий столб дыма. Цыганка присела на камень и подставила лицо клубам дыма.
Витязи и бывшие невольники с любопытством обступили ее.
– Руку... – сказала вдруг цыганка.
Добо протянул ей руку:
– Что ж, поглядим, как ты гадаешь.
Цыганка подняла голову и, обратив к небу закатившиеся глаза, заговорила дрожащими устами:
– Вижу красных и черных птиц... Летят птицы друг за дружкой... Десять... пятнадцать... семнадцать... восемнадцать...
– Это мои годы, – улыбнулся Добо.
– Да! – обрадованно подтвердил цыган.
– С восемнадцатой птицей дева-ангел летит. Спустится к тебе. Останется с тобой. Дева-ангел кладет тебе платок на лоб. Зовут ее Шара.
– Стало быть, мою будущую жену зовут Шарой. Куда ж это годится! Я ж старым холостяком буду, когда найду эту деву Шару.
– Это, может, и раньше сбудется, ваша милость, благородный витязь, – утешал цыган.
Гадалка продолжала:
– Девятнадцатая птица – красная. Несет она с собой темную тучу грозовую. На земле венгерской рухнут три могучих столпа.
– Буда? Темешвар? Фейервар? – задумчиво спросил Добо.
– Да, да, ваша милость, благородный...
– Уже зашатался и четвертый столп, но ты поддержишь его, хотя тебе и на руки и на голову ливнем льется пламя.
– Солнок? Эгер?
– Эгер, Эгер, ваша милость благородный господин витязь.
– Двадцатая птица – золотая, вся сияет солнечными лучами. На голове у ней корона. Один алмаз из короны падает тебе на колени.
– Это к добру.
– Очень и очень даже к добру, ваша милость, благородный...

¹⁷ *Datura Stramonium* (лат.) – дурман пахучий, лекарственная трава.

– И снова летят друг за дружкой черные и красные птицы. А потом тьма... Я ничего больше не вижу. Слышу звон цепей... Твой вздох...

Она затрепетала и выпустила руку Добо.

– Стало быть, я помру в тюрьме? – спросил Добо содрогнувшись.

– Что за глупости ты гадаешь! – накинулся на нее цыган. – Ни единому слову ее не верьте, ваша милость, благородный господин витязь.

– Чепуха! – махнул рукой и священник.

Цыганка схватила руку Гергё. Снова подставила лицо клубам дыма, помолчала, затем устремила глаза в небо:

– Всю свою жизнь ты пройдешь с голубкой – белой голубкой с розовыми крыльями. Но пламя, пламя окружает тебя. Из рук твоих катятся огненные колеса. А голубка потом остается одна и ищет тебя до самой смерти.

На мгновение цыганка замолкла. Лицо ее перекопилось от ужаса. Она отпустила руку мальчика и, поднимая руки к небесам, пробормотала:

– Две звезды взлетают в небо: одна из темницы, другая с берега моря... Сиянье их вечно...

И в страхе она закрыла глаза руками.

– Ерунда! – махнул рукой Добо. – Облейте водой эту женщину.

– Облить водой безумную! – завопил цыган. – Такие глупости предрекаешь своим благодетелям!

Он сам схватил ведро и окатил водой гадалку.

Все вокруг засмеялись. Добо взял Гергё за руку и поклонился невольникам.

– Ваша милость, благородный господин витязь! Что ж нам делать с этим грабителем, разбойником, убийцей? – крикнул цыган вслед Добо, указав на турка.

– Повесьте его! – небрежно ответил Добо.

И, посадив Гергё в седло, он вскочил на коня.

11

– Ну, собака турок, – гаркнул Гашпар Кочиш, – теперь твой черед!

– Веревку! – закричал возница Андраш. – Вон они, путы, лежат.

– Сдохнешь! – завыл цыган, неистово вращая глазами.

– Ты мне ноги калечил железом! – гневно крикнул Гашпар.

– Ты убил моего отца! – завопила одна женщина.

– Ты корову нашу угнал, дом разорил!..

И вокруг турка забушевал вихрь, замелькали яростные лица и сжатые кулаки. Невольники в гневе метались и толкали янычара под старый бук.

Большоголовый крестьянин, побывавший уже в рабстве, преградил им дорогу саблей:

– Да вы что? Хотите сразу его прикончить? Нет! Сперва подгребем ему под ноги раскаленные угли.

– Жару ему под ноги! – закричали все. – Заживо сождем, проклятого!

Женщины тут же бросились ломать сухие ветки и разжигать под деревом костер.

– Люди! – заговорил священник. – Если вы займетесь сейчас повешением, могут снова нагрянуть какие-нибудь бродячие турки, и всех нас опять уведут в рабство.

Ярость сразу остыла, невольники тревожно озирались по сторонам.

Священник оперся на турецкое копьё с костяной рукоятью и продолжал:

– Вы знаете, как он пытал меня. Так у кого же из вас больше прав, чем у меня, расправиться с этим диким зверем?

Никто не ответил. Почти все они видели, как привязывали священника к лавке и, поливая его кипятком, выпытывали, куда он спрятал сокровища своей церкви.

– Поезжайте вместе с витязями, – продолжал священник. – Пока можно будет, оставайтесь под их защитой, а потом разъезжайтесь в разные стороны, выбирайте безлюдные дороги. Сохрани вас Господь и приведи всех до дому! – И он простер руки для благословения.

Люди бросили разжигать костер, вскочили друг за дружкой на доставшиеся им телеги.
– Но!.. С Богом!

Цыган тоже прыгнул на свою телегу и, обернувшись к цыганке, сказал:

– Бёшке, за мной!

Гашпар связал свою телегу с телегой Маргит. Они уселись рядышком.

– А вы уж хорошенько помучайте его! – крикнул Гашпар священнику.

– Огня не пожалейте! – подхватил кто-то из женщин.

И одна за другой телеги тронулись.

Последним уехал тот невольник, которого турки произвели в повара.

– Ах ты, магомет вареный, телячья башка, я все равно не уеду, пока не отплачу тебе за пощечину! – сказал он.

И тут же претворил свои слова в дело.

Священник остался с турком наедине.

12

Гергё казалось, будто ему снится сон. Он ехал рысью рядом с Добо на своей быстрой турецкой лошадке и размышлял о том, как далась ему такая неожиданная слава.

Мальчик смотрел то на коня, то на красивую саблю. Коня нет-нет, да и погладит, саблю нет-нет, да и вытащит из ножен. Повстречайся им сейчас турки и скажи ему Добо: «Гергё, руби!» – уж он ринулся бы на целую рать.

Отряд свернул на мечекскую дорогу, держа путь на север.

День был на исходе. Небо заволочлось рябью мелких облачков, и когда заходящее солнце позолотило их, казалось, будто весь небосвод отчеканен из золотой чешуи.

Только они пустились на рысях по отлогому спуску, как конь Добо встал точно вкопанный. Поднял голову, наострил уши, фыркнул и начал рыть копытом землю.

Добо обернулся, покачал головой:

– Турка чует. Остановимся.

Перед тем как тронуться в путь, он послал вперед двух солдат. Стали ждать их возвращения. Через несколько минут оба прискакали обратно.

– В долине по большаку идет турецкий отряд, – доложил один из разведчиков.

– Походным строем идут, – добавил второй.

– А далеко они? – спросил Добо.

– Далеко. Не раньше чем через два часа сюда доберутся.

– Сколько их?

– Человек двести.

– По большаку идут?

– По большаку.

– Тоже с невольниками?

– С невольниками, и множество телег гонят.

– Эх, собаки! Должно быть, это тыловые отряды Касона. Была не была, нападём на них!

Большак поднимался к Мечеку широким извилистым полотном. Добо высмотрел для своего отряда такое место, где выступ скалы заслонил изгиб дороги. Здесь можно было устроить засаду и внезапно напасть на турок.

– А не мало нас? – спросил веснушчатый молодой солдат с русыми волосами. Видно было с первого взгляда, что он неженка.

– Не мало, Дюрка, – насмешливо ответил ему Добо. – Мы как ударим – некогда им, окаянным, будет считать, сколько нас. К тому же и стемнеет. А если и не перебьем их всех, и то не беда. Хватит того, что разгоним. В деревнях расправятся с каждым поодиночке.

Вдали на повороте дороги показался длинный обоз освобожденных Добо невольников.

Добо взглянул на Гергё:

– Видно, зря толковал я, чтобы они не ездили по большаку.

Он отрядил навстречу обозу солдата; велел передать, чтобы поворачивали обратно к Печу, а оттуда ехали бы на восток или на запад, но только не на север и не на юг.

Видно было, как солдат подъехал к путникам, как обоз остановился и как одна, вторая телега, а за ними и весь обоз повернул обратно.

Добо опять посмотрел на Гергё.

– Черт побери, – проворчал он с досадой, – куда же мне девать мальчонку?

13

Священник остался с турком наедине.

Турок стоял под дубом и, потупив глаза, смотрел на траву. Священник остановился шагах в десяти от него, опершись на копьё. Некоторое время слышалось громыханье телег, потом настала тишина.

Турок поднял голову.

– Подожди убивать меня, – забормотал он побледнев, – послушай, что я тебе скажу перед смертью. Пояс на мне набит золотом. За такую богатую добычу ты хоть похорони меня.

Священник не отвечал, равнодушно глядя на турка.

– Когда повесишь меня, – продолжал Юмурджак, – выкопай яму под этим деревом и похорони так, чтоб я сидел в могиле. Поверни меня лицом к Мекке¹⁸. Туда, к востоку. Сделай это за мои деньги.

Больше он не проронил ни слова. Молча ждал, когда накинут ему петлю на шею.

– Юмурджак, – заговорил священник, – я слышал вчера, как ты сказал, что мать твоя была венгеркой...

– Да, – ответил турок, и взгляд его оживился.

– Стало быть, ты наполовину венгерец?

– Да.

– Тебя в детстве похитили турки?

– Ты угадал, господин.

– А где?

Турок вздернул плечами, уставился в пространство:

– Я уже забыл.

– Сколько тебе лет было тогда?

– Я был совсем маленьким.

– Отца своего не помнишь?

– Нет.

¹⁸ Мекка – город в Аравии, считающийся у мусульман священным.

– И не помнишь, как тебя звали?

– Не помню.

– И никаких имен с детских лет не припомнишь?

– Нет.

– Странно, что ты не забыл венгерский язык.

– В янычарском училище было много венгерских мальчиков.

– А ты не знал мальчика по имени Имре? Имре Шомоди. Из селения Лак.

– Что-то не припомню...

– Круглолицый, черноглазый, пухленький мальчик. Ему еще пяти лет не исполнилось, когда его похитили. На левой груди у него родинка в виде трилистника – такая же, как у меня.

Священник раскрыл рубаху на груди: пониже левого плеча показались три родинки, слитые наподобие трилистника.

– Я знаю этого мальчика, – сказал турок, – и родинку эту видел у него не раз, когда мы умывались. Только теперь его зовут иначе, по-турецки – не то Ахмедом, не то Кубатом.

– А вы не вместе бываете с ним в походах?

– Когда вместе, а когда и нет. Сейчас он в Персии воюет.

Священник пристально поглядел на турка.

– Врешь!

Он внимательно смотрел на зашнурованные кожаным шнурком красные башмаки янычара, словно размышлял, почему именно порвался башмак на левой ноге и как раз на носке.

– Гад! – бросил священник с презрением. – Ты в самом деле достоин того, чтоб я тебя убил!

Турок пал на колени.

– О господин, пощади, помилуй! Возьми все, что есть у меня, сделай своим рабом! Буду служить тебе покорно, верно, как преданный пес.

– Вопрос только в том – человек ты или дикий зверь? Освобожу тебя, а кто поручится, что ты не будешь снова грабить и убивать моих несчастных соотечественников?

– Пусть Аллах обратит на меня все бичи своего гнева, если я еще хоть раз в жизни возьму оружие в руки!

Священник покачал головой.

Турок продолжал:

– Клянусь тебе самой страшной клятвой, какую только может принести турок!

Священник скрестил руки на груди и посмотрел в глаза своему пленнику.

– Юмурджак, ты говоришь со мной, стоя на коленях у порога смерти, и меня же считаешь глупцом? Думаешь, я не знаю, что гласит Коран¹⁹ о клятве, данной гяуру²⁰?

На лбу у турка выступил пот.

– Так потребуй что-нибудь от меня, господин! Скажи, что ты хочешь, – я все выполню.

Священник раздумывал, подперев рукой подбородок, и наконец промолвил:

– У каждого турка есть амулет, который защищает его в боях и приносит счастье.

Турок опустил голову.

– Деньги твои мне не нужны, – сказал священник. – Дай мне свой амулет.

– Возьми, – пробормотал турок. – Он на шее у меня висит. Просунь руку под безрукавку.

Янычар поднял голову. Священник нашел амулет, зашитый в синий шелковый мешочек, сорвал его с золотой цепочки, сунул себе в карман. Затем встал позади турка и разрезал веревку, крепкими узлами стягивавшую ему руки и ноги.

¹⁹ *Коран* – священная книга мусульман.

²⁰ *Гяур* – у исповедующих ислам презрительное прозвище всех не мусульман.

Турок стряхнул веревки с рук и внезапно обернулся. Взгляд его желтых, как у тигра, горящих глаз обжег отца Габора.

Но тот уже держал копьё наперевес и улыбался:

– Ну-ну, Юмурджак! Смотри, нос себе не уколи!

Юмурджак отпрянул от него и, весь пылая лютой ненавистью, отступал все дальше и дальше. Отойдя шагов на двадцать, он крикнул насмешливо:

– Так знай же, глупый гяур, кто был в твоих лапах! Я сын преславного Яхья-паши Оглу Мохамеда! Ты мог бы получить за меня целые мешки золота.

Священник не ответил. Он кинул копьё на телегу. Лицо его выражало презрение.

14

Солнце уже погрузилось за край неба, когда отец Габор сел в свою повозку и выехал на большак.

Вдали еще виднелись последние телеги обоза невольников, направлявшегося вниз, к Печу. Но отец Габор подумал, что туда поехали лишь некоторые из его сотоварищей, а остальные двинулись на север.

Дорогу к дому он знал. Да, впрочем, путь по большаку был только один: из Печа через Капошвар в Секешфехервар и оттуда на Буду. Но отец Габор решил доехать только до Лака, до замка Пала Бакича, свернуть по узкой проселочной дороге на запад и направиться к озеру Балатон. Там на опушке березовой рощи раскинулось его родное селение. Как же обрадуются и удивятся прихожане, увидев, что он спасся!

Отец Габор сошел с телеги и подвязал колеса. Весело похлопал коней по мордам и стал спускаться по склону.

Но большак был загражден отрядом Добо.

– Ты зачем повернул обратно? – спросил отца Габора один из солдат, признав в нем только что освобожденного невольника.

Священник не понял вопроса.

– Турки идут! – объяснил ему солдат. – Мы их подстерегаем. Поворачивай обратно и гони скорее в Печ, вслед за остальными.

– Стой, милый мой! – крикнул Добо и подъехал к отцу Габору. – Ты из какой деревни?

– Из Кишхиды, – ответил священник.

– Возле Балатона?

– Да.

– Так вот о чем я тебя попрошу: возьми с собой этого парнишку и, как только представится возможность, переправь в Сигетвар к Балинту Тёрёку.

– С удовольствием, – ответил священник.

– Боюсь, как бы здесь не случилось с ним какой-нибудь беды, – объяснил Добо. – Мы решили разогнать большой отряд турок. Мальчика могут ранить.

Гергё смущенно посмотрел на Добо:

– Меня матушка будет искать.

– Не будет, сынок. Она знает, куда ты поехал.

Священник повернул лошадей.

– Со мной сядешь? – спросил он Гергё. – Или верхом поедешь?

– Верхом, – ответил мальчик, все еще глядя на Добо.

Он хоть и знал, что тут готовится кровавая битва, однако подле Добо не испытывал никакого страха. В сражении будут убивать? Ну что ж, ведь турки не люди, а дикие звери, грабители, разоряющие страну. Он уже ненавидел их всей своей детской душой.

– Благослови тебя Господь, мой маленький витязь, – сказал ему Добо на прощанье. – Я знаю, тебе хочется сражаться вместе с нами. Но ведь у тебя еще и сапог нет. Так что поезжай-ка ты с отцом Габором, а через несколько дней мы встретимся.

Отец Габор развязал колеса телеги и хлестнул лошадей.

Гергё печально затрусил вслед за повозкой.

15

Когда проезжали мимо Печской крепости, уже совсем смеркалось.

На ночлег там не остановились – священнику хотелось к утру быть дома.

Большой Мечек им пришлось объехать стороной.

Перед полночью выглянула луна, и наши путники поехали быстрее по глинистой проселочной дороге.

Гергё скакал уже все время впереди и, когда подъезжали к какому-нибудь ненадежному, шаткому мосту, предупреждал об этом священника.

В полночь у дороги перед ними забелел одинокий домик, похожий на корчму.

– Загляни-ка туда, сынок, – попросил священник, – узнай, корчма это или что другое.

Мы тут коней покормим.

Гергё въехал во двор и немного погодя вернулся.

– Дом пустой, – доложил он, – даже двери не заперты.

– Но коней-то можно покормить?

Навстречу им с тьякньем выбежала белая лохматая собачонка. Кроме нее, никто не показывался.

Священник соскочил с телеги и обошел весь дом.

– Здравствуйте! Есть кто-нибудь дома? – кричал он в двери и окна.

В доме было темно. Никто не отвечал. На пороге валялся разломанный шкафчик. Да, здесь, несомненно, побывали турки.

Священник покачал головой:

– Гергей, прежде всего мы с тобой обследуем колодец. У меня ведь до сих пор кожа огнем горит.

Он спустил ведро и достал воды. Потом принялся рыться у себя в телеге.

Чего только там не было! И одеяла, и подушки, и пшеница, и сундук, и резной стул, и бочка вина, и туго набитые мешки. В одном мешке оказалось что-то мягкое. Священник развязал его. В нем было то, что он искал, – белье.

Он намочил платок водой из ведра, разделся по пояс и весь обложился примочками.

Гергё тоже слез с коня, подвел его к колоде и напоил.

Священник вытащил из-под сиденья охапку сена и бросил лошадям.

На телеге лежала и сума. Священник пощупал ее и обнаружил в ней хлеб.

– Сын мой, ты хочешь есть?

– Хочу, – ответил мальчик и смущенно улыбнулся.

Отец Габор вытащил саблю из ножен, но прежде чем разрезать хлеб, устремил глаза к небесам.

– Господи, да будет благословенно имя твое! – воскликнул он с горячей благодарностью. – Ты избавил нас от цепей неволи, ты дал нам днесь хлеб насущный...

Небо было чистое и звездное. Месяц, блестевший в вышине, заливал землю ярким сиянием, и при этом свете вполне можно было поужинать.

Путники сели на закраину колодезного сруба и принялись закусывать. Священник бросал иногда собаке кусочки хлеба, а Гергё, разломив ломоть хлеба пополам, покормил своего коня.

Издали послышался вдруг тихий цокот копыт. Путники прислушались и перестали жевать.

– Верховой! – заметил священник.

– Один едет, – добавил Гергё.

И оба снова принялись за свой ужин.

Цокот копыт слышался все яснее и на высохшей проселочной дороге превратился в громкий топот. Вскоре показался и всадник.

Он осадил коня у корчмы и въехал во двор. Видно было, что это венгерец. Шапки на голове нет, зато волосы есть – стало быть, венгерец.

Приезжий остановился, огляделся.

– Мюбарек олсун!²¹ – крикнул он хриплым голосом.

Он принял отца Габора за турка, увидев у него на голове белевшую мокрую тряпку.

– Я венгерец, – ответил священник и встал.

Он узнал Морэ.

Гергё тоже узнал его и затрепетал.

– Кто здесь? – спросил Морэ, сойдя со взмыленного коня. – Где хозяин?

– Здесь нет никого, кроме меня и этого мальчика, – ответил священник. – Дом заброшен.

– А мне нужен конь. Свежий конь!

Священник пожал плечами:

– Здесь-то вряд ли найдется.

– Я тороплюсь, денег у меня нет. Но мы христиане: дай своего коня.

И Морэ окинул взглядом обеих коней. Третий, Гергея, пасся в тени – низкорослый, с виду тшедушный конь. Морэ, не дожидаясь ответа, выпряг коренника из телеги.

– Стой! – сказал священник. – Да ты хоть скажи, почему торопишься?

– Добо разбил турок, освободил нас.

– А где он теперь?

– Мы оставили его на большаке.

Морэ не произнес больше ни слова. Вскочил на деревенскую лошадь и умчался.

– Ну, – проворчал священник, – быстро спроворил дело!

Сойдя с места, он почувствовал, как что-то выпало у него из кармана. Поднял оброненный предмет и с удивлением оглядел его. Потом, ощупав, вспомнил, что это талисман турка.

В синем шелковом мешочке было что-то твердое. Отец Габор разрезал саблей мешочек, и оттуда выпало кольцо.

Камень в кольце был необычайно крупный, четырехугольный и темный – либо гранат, либо обсидиан, при лунном свете не разберешь. Ясно был виден на нем только полумесяц из какого-то бледно-желтого камня, а вокруг него – пять крохотных алмазных звездочек.

На подкладке мешочка блестели вышитые серебром турецкие буквы.

Священник понимал по-турецки, но читать не умел.

Он положил все обратно в карман и взглянул на Гергё, решив ехать дальше. Но мальчонка сладко спал на мешке с бэльем.

16

Как весело, как лучезарно светит солнце в небе! А ведь у Балатона ему нечего было увидеть, кроме обуглившихся крыш, лежавших повсюду трупов и затоптанных посевов.

О, если бы солнце было ликом Господним, на землю падали бы с неба не лучи, а слезы!

²¹ Будьте благословенны! (Турецкое приветствие.)

Священник знал, что его селение тоже разорено, и все-таки, когда они въехали на холм и сквозь листву деревьев проглянула почерневшая от копоти колокольня с сорванной крышей, глаза его затуманились от слез.

Лошадь он не подгонял, и она плелась шажком. С каждым шагом все больше открывались разрушения. Во всей деревне не осталось ни одной целой крыши, ни уцелевших ворот. Во дворах обломки шкафов, разбитые бочки, рассыпанная мука, мертвые тела людей, издохшие лошади, свиньи, собаки.

Ни одной живой души, только несколько псов, убежавших от опасности и вернувшихся, когда она миновала, да кое-какая живность, которой посчастливилось вырваться из рук грабителей.

Священник сошел с телеги и снял шапку.

– Сними, сынок, и ты шапку, – сказал он Гергё. – Это село мертвецов, в живых никого не осталось.

Взяв под уздцы коней, они пошли в глубь деревни.

Поперек дороги лежал длинноволосый седой крестьянин. Лицо его было обращено к небу; мертвыми руками он все еще сжимал железные вилы. Священник покачал головой.

– Бедный дядя Андраш!

И он за руку оттащил труп с дороги, чтобы лошади могли проехать.

На одной оgrade двора, перевесившись на улицу, болталась голова молодого крестьянина. У него был переломлен спинной хребет, и, казалось, убитый смотрит на землю, где запеклась кровь, вытекшая из его головы.

Позади него, во дворе, усыпанном пухом, выпущенным из перин, рылась в земле свинья. Свиней турки на трогают.

Неподалеку от ворот валялся нагой младенец; в груди его зияла глубокая рана.

Повсюду запах гари и мертвечины. И все эти кровавые убийства произошли потому, что молодой крестьянин, защищая жену, вонзил железные вилы в любимого дударя турок.

«Всех перережем!» – завопили озверевшие турки.

Священник взял лошадь под уздцы и повел ее дальше. Он больше не оглядывался по сторонам, смотрел только на пыльную дорогу, желтевшую под лучами солнца.

Наконец подошли к поповскому домику.

Крыши нет. Лежит толстый слой золы, и из него торчат черные, обгоревшие стропила, образуя нечто вроде огромных букв «А». Над окном, выходящим на улицу, стена почернела от пламени.

Дом подожгли тогда же, когда поливали священника кипятком, пытаясь добиться от него, где спрятаны церковные драгоценности.

А скамья все еще стоит посреди двора. И тут же обломки большого сундука орехового дерева, книги, пшеница, растоптанные комнатные цветы, обломки стульев, черепки посуды. И возле стола со сломанной ножкой на земле вытянулась старуха в черном платье.

Она лежит, запрокинув голову и раскинув руки. Кругом нее черная лужа крови.

Это мать священника.

– Вот мы и дома... – сказал священник, повернув к Гергё мокрое от слез лицо. – Вот мы и дома...

17

Два дня хоронили почти непрерывно. Священник снял дробины с телеги и отвозил на кладбище по три, по четыре трупа сразу.

Гергё шел впереди телеги. На поясе у него была сабля – подарок Добо, – в руках крест. Священник вел лошадей и то пел, то читал молитвы.

На кладбище он покрывал мертвецов рогожей, чтобы их не клевало воронье, пока они возили все новых и новых покойников.

Наконец, на третий день утром, в деревне появилась крестьянка с ребенком. Они прятались в камышах на берегу Балатона. К вечеру, крадучись и озираясь, вернулись домой двое мужчин.

Они выкопали для погибших могилы; вместе с ними копал и священник.

И, только похоронив мертвецов, принялся отец Габор отстраивать кое-как свое жилище.

В доме были три комнаты, но во время пожара все потолки завалились.

Сперва священник сделал дощатый настил над комнатой, которая выходила окнами на улицу, чтобы было где укрыться от дождя. Потом сколотил шкаф и велел Гергё собрать и поставить в него раскиданные по двору книги.

После долгого и скорбного труда похорон Гергё нравилось перетаскивать и расставлять книги. Иные он даже раскрывал, смотрел, нет ли картинок. Пять томов были с картинками. В одном пестрели разные жуки, в другом – цветы. Библиотека священника состояла всего из тридцати книг в переплетах из телячьей кожи.

Женщина убрала кухню и принялась застряпню. Она сварила зеленый горошек без мяса и яичный суп, заправленный мукой.

Два горшка на всю деревню!

После обеда священник осмотрел свой сад.

– Пчел моих не тронули? Пойдем посмотрим, Гергё.

Он повел мальчика на пчельник, где стояла беседка, напоминавшая часовенку. Турки сорвали с нее дверцу, но, увидав в беседке только скамейку, маленький очаг, столик, – вернее, доски положенные на козлы, – да какие-то высокие бутылки, не тронули ничего.

Бутылки предназначались для химических опытов. Священник глазам своим не верил, что они целы.

В садовую калитку вошла женщина. Она несла в переднике мертвого годовалого ребенка. Лицо ее было красно от слез.

– Яношка мой... – промолвила она и зарыдала.

– Мы похороним его, – сказал священник.

Гергё надел шапку, поднял крест и пошел впереди.

– Спрятала я его, – рассказывала женщина плача, – спрятала с испугу в яму для пшеницы, сунула в подушки. Тогда как раз убивали Янчи по соседству. Я подумала – заплачет мой сыночек, и меня найдут. Схоронилась за курятником. Но меня нашли, погнались за мной, и я убежала. Хотела вернуться к ночи, да мы повстречали других басурман. Они обшарили все камыши. Бог его знает, кого увели, кого убили... Когда я вернулась, Яношку своего нашла уже мертвым. О Боже, Боже! За что ты отнял у меня сына?

– Не спрашивай Бога, – строго сказал священник. – Господь знает, что творит, а ты не знаешь.

– Да зачем же он народился, коли пришлось ему помереть такой смертью!

– Мы не ведаем, для чего родимся, и не ведаем, зачем помираем. Не говори больше о Боге.

Он выкопал могилку. Гергё подсоблял ему, роя землю мотыгой.

Мать сняла с себя фартук, завернула в него ребенка и положила в могилу.

– Подождите... – говорила она, задыхаясь от рыданий, – погодите немного...

Она нарвала цветов, травы и, осыпая ими свое мертвое дитя, плакала и причитала:

– Ой, зачем должна я предать тебя земле? Не обнимешь ты меня больше рученьками своими... Никогда не скажешь мне: маменька родимая... Ой, увяли алые розочки на щечках твоих! Ой, не поглажу я больше белокурые твои волосики!.. – И она обернулась к священ-

нику: – А глазки-то какие красивые были у него! Черные глазенки! И смотрел-то он на меня ласково как... Ой, душенька моя, не взглянешь ты больше на меня глазками своими!..

Священник забросал могилу землей, насыпал холмик и выровнял его лопатой. Потом сорвал на краю кладбища ветку бузины, похожую на крест, и воткнул ее в холмик в изголовье.

– Ой Господи, и зачем ты отнял у меня дитя родное! – причитала мать. – Зачем только тебе он понадобился!

И она упала на могильный холм.

– Затем, что Бог лучше доглядит за ним, чем ты, – сказал священник почти с досадой.

Он стяхнул с мотыги прилипшую землю, перекинул ее через плечо и заговорил уже мягче:

– Иные уходят на небо раньше и ждут тех, у кого есть еще дела на земле. Иногда ребенок уходит раньше, иногда родители. Но Творец определяет так, чтоб каждого улетающего в надзвездный мир кто-нибудь да подждал там. Пойдем!

Но мать осталась у могилки.

18

На другой день они сели на коней и направились к югу, в Сигетвар.

Стоял теплый безоблачный день. В разоренных селах повсюду хоронили мертвых и крыли соломой хижины. В иных селениях так же, как и в деревне отца Габора, бродили только двое-трое стариков и старух. Весь народ угнали турки.

Когда доехали до сигетварских камышей, священник поднял голову и сказал:

– Сам хозяин дома.

Гергё понял, что речь идет о Балинте Тёрёке.

– Откуда вы знаете? – спросил он удивленно.

– А ты разве не видишь флаг?

– Где? На башне?

– Да.

– Красный с синим?

– Да. Это его цвета. Стало быть, он дома.

Они забрались в заросли тростника и поехали рядом. Перед ними блеснула речка Алмаш, разлившаяся в большое озеро. В зеркало воды гордо гляделась башня, выступавшая над темной крепостной стеной. На воде белели большие стаи гусей.

Священник снова заговорил:

– Мальчик, а не думаешь ли ты, что Добо вступил в бой с очень неравными силами? Он мог там и голову сложить.

– В бою?

– Да.

Нет, Гергё этого не думал, он считал Добо непобедимым. И напади Добо даже один на всю турецкую рать, Гергё бы не удивился.

– Если он погиб, – сказал священник, – я усыновлю тебя.

Он погнал коня на первый деревянный мост, который вел в наружный двор крепости. Мост стоял на высоких сваях. На воде под мостом плавали стаи уток и гусей. Священник и мальчик медленно, шагком пересекли «новый город», потом въехали по маленькому деревянному мостику в «старый город». Перед церковью с двумя башенками сидели три торговки и продавали черешню. Одна из них как раз насыпала ягоды в фартук босой девчонке. Двери церкви обивали железом.

Затем последовал еще один мост – длинный и широкий, из крепких балок. Вода блестела где-то глубоко под ним.

– Сейчас въедем во внутренний двор крепости, – сказал священник. – Пора уж.

И он старательно вытер лицо носовым платком.

Ворота крепости были распахнуты. Оттуда доносился громкий топот. На просторном дворе они увидели латника, который мчался сквозь облако пыли, и второго латника, несшего ему навстречу. Казалось, на двух живых конях сидят две металлические статуи. Одна из них новая, серебряная, а вторая – потускневшая, кое-где ржавая, точно ее только что вытащили из сырого чулана. А в остальном эти статуи отличались только шлемами: у одной шлем был гладкий и круглый, а у другой на верхушке блестела серебряная медвежья голова. Крупы коней были тоже защищены панцирями, похожими на рачью шейку.

– Вот Балинт Тёрёк, – почтительно сказал священник. – Тот, что с медвежьей головой.

Всадники мчались друг на друга, держа копыя наперевес, сшиблись, и оба коня взвились на дыбы. Но копыя только скользнули по латам.

– Булавы давайте! – гаркнул медвежьеголовый, когда кони разъехались.

За опущенным забралом лица всадников не были видны.

На крик выскочил из дверей оруженосец в сине-красной одежде и подал сражавшимся две одинаковые булавы с медными шишками и два железных щита.

Латники снова разъехались. Конь всадника с гладким шлемом грыз удила, то и дело роняя изо рта белую пену. Сражавшиеся ринулись друг на друга посреди двора.

Первым замахнулся всадник в гладком шлеме.

Медвежьеголовый занес щит над головой, и он задребезжал, точно разбитый колокол. Но рука с булавой взмахнула из-под щита и так ударила противника по голове, что на шлеме его осталась вмятина.

Противник, осадив коня, бросил оружие.

Медвежьеголовый снял с головы шлем и засмеялся.

Это был круглолицый смуглый мужчина. Длинные, густые черные его усы, прижатые шлемом, прилипли к щекам, и теперь один ус торчал вверх до самых бровей, а другой свисал до шеи.

– Это сам Балинт Тёрёк, – почтительно повторил священник. – Если он взглянет на нас, ты, Гергё, сними шапку.

Но Балинт Тёрёк не смотрел в их сторону. Он глядел на противника, с головы которого слуги стаскивали шлем.

Когда шлем с величайшим трудом был снят, всадник первым делом выплюнул три зуба на землю, усыпанную гравием, потом выругался по-турецки.

Из-под свода ворот вылезло человек восемь турок-невольников. Они помогли побежденному снять доспехи.

Латник этот был таким же невольником, как и остальные.

– Ну, кому еще охота сразиться со мной? – крикнул Балинт Тёрёк, пустив коня вскачь. – Кто убьет меня, получит в награду свободу.

Перед ним предстал мускулистый турок с жидкой бородой, одетый в красную безрукавку.

– Попробуемся, может, сегодня мне больше посчастливится.

Турок облачился в тяжелые доспехи. Товарищи закрепили их сзади ремнями, напялили ему на голову шлем, принесли и натянули ему на ноги другие, железные сапоги, ибо у этого турка ноги были длинные. Потом с помощью шестов посадили его на коня и дали в руки палаш.

– Дурак ты, Ахмед! – весело крикнул Балинт Тёрёк. – Палаш к панцирю не идет.

– А я уж так привык, – ответил невольник. – И если ты, господин, боишься биться палашом, я и попытаюсь не стану.

Они говорили по-турецки. Священник переводил Гергё. Балинт Тёрёк снова надел шлем на голову и поскакал вокруг двора, размахивая легким копьём.

– Вперед! – крикнул он, выскочив вдруг на середину двора.

Гергё задрожал.

Турок пригнулся в седле и, взяв палаш в обе руки, помчался на Балинта Тёрёка:

– Аллах!

Когда они съехались, турок поднялся в стремях и приготовился нанести страшный удар.

Балинт Тёрёк нацелился копьём турку в пояс, но копьё соскользнуло, и Балинт выронил его. Однако щитом он отвел страшный удар турка и в тот же миг, схватив его за руку, стащил с коня. Турок боком рухнул на песок, подняв клубы пыли.

– Довольно! – засмеялся Балинт Тёрёк, быстрым движением подняв забрало. – Завтра еще сразимся, если буду дома. – И он затрясся от смеха.

– Это не по чести! – заорал турок, тяжело поднимаясь на ноги. Видно было, что рука у него вывихнута.

– Почему не по чести? – спросил Балинт.

– Рыцарю не подобает стаскивать противника рукой.

– Да ты же не рыцарь, чертов басурман! У тебя, что ль, учиться рыцарским обычаям? Вы самые обыкновенные грабители.

Турок, надувшись, молчал.

– Уж не считаете ли вы рыцарским турниром, когда я выхожу вот так сражаться с вами? К черту, на вилы всех вас, проходимцев! – крикнул Балинт Тёрёк и вытащил правую ногу из стремени, готовясь слезть с коня.

– Господин! – Вперед вышел худой седобородый турок и, плача, сказал: – Сегодня я еще раз готов схватиться с тобой.

Стоявшие во дворе расхохотались.

– Еще бы! Ты думаешь, что я уже устал. Ну да ладно, доставлю тебе такое удовольствие.

И Балинт Тёрёк снова надвинул шлем, который успел положить себе на колени.

– Попугай, который раз ты бьешься со мной?

– Семнадцатый, – плаксиво ответил турок, у которого нос действительно походил на клюв попугая.

Балинт Тёрёк снял шлем и бросил его на землю:

– Вот, даю тебе поблажку! Начнем!

Разница между ними была огромная: Балинт Тёрёк – богатырь, во цвете лет, могучий и подвижной; турок – тщедушный, сутулый человек лет пятидесяти.

Они сшиблись копьями. От первого же удара Балинта турок вылетел из седла и, перекувырнувшись в воздухе, свалился на песок.

Все засмеялись: и слуги, и оруженосцы, и невольники.

Господин Балинт кинул щит, железную перчатку и слез с коня, чтобы оруженосцы освободили его от остальных доспехов.

«Попугай» поднялся с трудом.

– Господин! – обратился он к Балинту Тёрёку окровавленное лицо и заплакал. – Отпусти меня домой. Жена и сиротка-сын два года ждут меня.

– А почему же тебе дома не сиделось, басурман? – досадливо спросил Балинт Тёрёк.

Он всегда сердился, когда невольники просились на свободу.

– Господин... – плакал турок, ломая руки. – Сжался надо мной. У меня красивый черноглазый сын. Два года не видел я его. – Он на коленях подполз к Балинту Тёрёку и бросился ему в ноги. – Господин, сжался!

Балинт Тёрёк утирал лицо платком. Пот струился с него градом.

– И вам, мерзавцам, и вашему султану – всем бы сидеть у меня на цепи, – сказал он, с трудом переводя дыхание. – Убийцы, грабители, негодяи! Не люди вы, а бестии!

И он прошел мимо.

Турок схватил горсть песка и, кинув вслед Балинту Тёрёку, крикнул:

– Да покарает тебя Аллах, жестокосердый гяур! Чтоб тебе в кандалах поседеть! Чтоб ты сдох да вдову и сирот оставил! Прежде чем душа твоя попадет в ад, пусть Аллах научит тебя втрое горше плакать, чем плачу я!

Он выкрикивал проклятия; слезы лились у него из глаз и, стекая по израненному лицу, смешивались с кровью.

От ярости у него даже пена выступила на губах. Слуги потащили его к колодцу и окатили водой из ведра.

Балинт Тёрёк привык к подобным сценам. Они вызывали в нем только гнев, и ни мольбами, ни проклятиями нельзя было заставить его развязать узы неволи и отпустить раба.

Ведь, в конце концов, невольник всегда и везде молит о свободе; разве что один молча, а другой вслух. Балинт Тёрёк с детства слышал эти мольбы. В его время рабов причисляли к прочему имуществу. Иных выкупали за деньги, других обменивали на венгерцев, попавших в плен. Так неужто же просто так, во имя Бога, отпустить невольника!

Балинт Тёрёк подставил спину и вытянул руки, чтобы ему почистили кафтан щеткой. Затем, красный от досады, подкручивая усы, он подошел к священнику.

– Добро пожаловать, дорогой гость, милости просим! – сказал он, протянув руку. – Слышал, что тебя, точно рака, обварили кипятком. Ничего, новая кожа нарастет.

– Ваша милость, – ответил священник, держа шапку в руке, – что меня обварили – это бы еще с полбеды. Хуже, что вырезали мою паству. И мать, бедняжку, убили.

– Чтоб вас турецкие псы загрызли! – проворчал Балинт, обернувшись к туркам. – Скажите пожалуйста, один проклинает за то, что я не отпускаю его на волю, другой учит правилам рыцарства. Я выхожу на поединок с саблей, а он не хуже заплечных дел мастера – с палашом. И называет это рыцарским турниром! А когда я стаскиваю его с коня, он еще нос задирает. Чтоб вас псы и вороны заели!

Тёрёк сердито дернул кожаный пояс и в гневе стал похож на того медведя, который красовался у него в гербе на воротах крепости.

Затем он бросил взгляд на мальчика и, улыбнувшись, удивленно спросил:

– Это он и есть?

– Слезай живей! – прикрикнул священник на Гергё. – Сними шапку.

Босой мальчонка с саблей на боку лег животом на спину коня и, соскользнув на землю, остановился перед Балинтом.

– Этого коня ты раздобыл? – спросил господин Балинт.

– Этого! – гордо ответил ребенок.

Балинт Тёрёк взял его за руку и так быстро повел к жене, что священник едва поспевал за ними.

Жена Тёрёка – маленькая, белолицая, русоволосая женщина с двойным подбородком – сидела в саду внутреннего двора крепости, возле мельничного жёрнова, который служил столом. Она завязывала горшки и крынки с вареньем. Вместе с ней трудился и приходский священник в опрятной сутане и с очень белыми руками. Поблизости играли два мальчугана. Одному из них было пять лет, другому – три года.

– Ката, душенька, погляди-ка! – крикнул Балинт Тёрёк. – Вот этот щеночек – оруженосец нашего Добо!

Гергё поцеловал руку хозяйке.

Маленькая голубоглазая женщина взглянула на мальчика с улыбкой, потом нагнулась и поцеловала его в щеку.

– Этот малыш? Да ведь он еще сосунок! – воскликнул приходский священник в изумлении.

– Да, но только турецкую кровь сосет, – ответил хозяин крепости.

– Солдатик, хочешь есть? – спросила женщина.

– Хочу, – ответил Гергё. – Но сперва мне хотелось бы пойти к моему господину Добо.

– Нет, сынок, к нему никак нельзя, – ответил Балинт помрачнев. – Твой господин в постели. – И он обернулся к отцу Габору: – Ты не знаешь еще? Добо ринулся с пятьюдесятью солдатами на двести турок. И один турок вонзил ему в бедро пику, да с такой силой, что пригвоздил его к луке седла.

Гергё следил за разговором, широко раскрыв глаза. Как обидно, что в сражении его не было рядом с Добо! Вот уж он огрел бы этого турка!

– Ступай играть с баричами, – сказал приходский священник.

Черноволосые ребятишки высунулись из-за материнской юбки и во все глаза смотрели на Гергё.

– Что вы испугались? – сказала им мать. – Это же венгерский мальчик, он любит вас.

И она объяснила Гергё:

– Это старший – Янчи. А младший – Фери.

– Пойдемте, – приветливо сказал им Гергё. – Я покажу вам мою саблю.

Трое ребят очень скоро подружились.

– А ты, священник, – спросил Балинт Тёрёк, присев на скамейку, – что же ты будешь делать без прихода?

Отец Габор пожал плечами:

– Да уж как-нибудь проживу. В крайнем случае, буду вести жизнь отшельника.

Балинт Тёрёк задумчиво покручивал усы:

– Ты знаешь по-турецки?

– Знаю.

– И по-немецки тоже?

– Два года школярил на немецкой земле.

– Так вот что я тебе скажу. Собери-ка свои пожитки да переезжай в Сигетвар. Вернее, не в Сигетвар, а в Шомодьвар. Через несколько дней мы переберемся туда. Там и будешь жить. У моей жены есть священник-папист – так почему же мне не иметь священника новой веры! А через год-другой дети подрастут, и я отдам их на твое попечение, чтобы ты учил их.

Приходский священник удивленно вытаращил глаза:

– Ваша милость, а как же я?

– И ты их будешь учить. Ты выучишь их латыни, а он – турецкому языку. Поверь, добрый мой пастырь, для спасения души турецкий язык столь же важен, как и латынь.

Он взглянул на сыновей, которые вместе с Гергё бегали друг за дружкой вокруг яблони. Все трое раздурмились и заливались веселым смехом.

– Я отниму у Добо этого мальчика, – сказал Балинт Тёрёк улыбаясь. – Быть может, он пригодится мне в качестве третьего воспитателя. И как знать, он, чего доброго, окажется лучше вас обоих, вместе взятых.

* * *

Король Янош умер. Сын его еще был младенцем. Венгерцы остались без вождя. В стране происходило то, что изображалось на гербах, где разгневанные грифы тянутся за качающейся между ними короной.

Умы венгерцев были смущены. Никто не знал, чего страшиться больше: владычества турок-басурман или немцев-христиан.

Немецкий император Фердинанд наслал на Буду своего генерала – дряхлого мямлю Роггендорфа. Турецкий султан сам стал во главе войска, чтобы водрузить стяг с полумесяцем над венгерским королевским замком.

Шел 1541 год.

Часть вторая. Буде худо, пропала буда

1

Августовской лунной ночью вверх по мечекской дороге ехали рысью два всадника. Один из них – бритый, худой, в черном плаще, очевидно священник. Второй – длинноволосый барич, едва достигший шестнадцати лет.

За ними трусил на коне слуга – высокий, длинноногий парень с коротким туловищем.

Он, быть может, потому и казался таким высоким, что сидел не в седле, а на двух туго набитых мешках. За спиной у него висела большая кожаная торба, или, как мы называем сейчас, сума. Из нее торчали три палки, похожие на рукоятки каких-то инструментов. Одна из них иногда поблескивала: это было длинноствольное ружье.

У обочины дороги раскинула ветви дикая груша в два обхвата, наверно такая же старая, как сама мечекская дорога. Там всадники свернули в лес.

Священник разглядывал дерево.

– Это самое?

– Да, – ответил юноша. – Когда я был маленьким, здесь жила сова. С тех пор дупло, наверно, стало больше, и в нем можно спрятаться одному, а то и двоим.

Встав на седло, он уцепился за ветку и одним махом взобрался на дерево.

Потыкал саблей трухлявый ствол.

Спустился в дупло.

– И вдвоем поместимся! – воскликнул он весело. – Даже сидеть можно!

Выбравшись из дупла, он слез с дерева и соскочил на траву.

Священник скинул плащ.

– Что ж, тогда приступим к работе.

Священник был отец Габор. А юноша – Гергей Борнемисса.

С тех пор как мы расстались с ними, прошло восемь лет. Священник мало изменился, только спаленные брови отросли у него да, пожалуй, похудел немного. Бороду и усы он брил.

Зато очень изменился мальчик. За эти восемь лет он вырос, возмужал. Правда, черты лица у него все еще не определились: он был не красив и не уродлив. Такими бывают обычно пятнадцатилетние подростки. Волнистые его волосы, по моде того времени, были отпущены до плеч.

Слуга вынул из торбы две лопаты и кирку. Одну лопату взял священник, другую – Гергей.

Они принялись копать яму на самой середине дороги.

Слуга поставил оба мешка на землю и вернулся к лошадям. Снял с них уздечки, спутал ноги – пусть попасутся кони на густой росистой лесной травке.

Потом и он взялся за работу. Опростал свою объемистую кожаную суму, вынув оттуда хлеб, фляги, ружья, и стал загребать в нее каменистую землю, которую выбрасывали из ямы священник и Гергей. Затем слуга высыпал землю в придорожную канаву, а к яме принес большие, увесистые камни.

Не прошло и часу, как высокий парень стоял уже по пояс в вырытой яме.

– Довольно, Янош, – сказал священник, – давай теперь сюда мешки.

Слуга притащил оба мешка.

– Не клади ружье на траву – роса! – заметил ему священник и продолжал распоряжаться: – Возьми кирку. Рой канаву от ямы вон до той груши. Здесь, на дороге, канавку делай

глубиной в локоть. А когда в траве будешь копать, можно и помельче. Дерн поднимай осторожно. Мы обратно положим его, чтобы ничего не было заметно.

Покуда слуга рыл канаву, господа опустили в яму оба мешка.

В мешках был зашитый в кожу порох.

Его затоптали, завалили большими камнями, насыпали между камнями мелкие камешки, землю, затем все утрамбовали.

А слуга тем временем прорезал канавку до самого дерева, выложил ее камнями, протянул запальный шнур, прикрыл его промасленным полотном и плоскими камешками, чтобы он не намок в случае дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.